

Владимир ВАСИЛИНЕНКО

КОМУ НА РУСИ УЛИЦА ТЕСНА

Русская антитеза: Пугачев и Суворов

Урочно-историческая повесть

1

Молодцевато выпрыгнув из тележки, маленький генерал слегка размял ноги, пройдясь туда-сюда по небольшому, тихому дворику. Капитан-поручик Маврин подошёл и представился. Генерал улыбнулся:

— Слышал-слышал о вас, батюшка мой! Каково дело-то продвигается?

И не успел капитан открыть рот, как денщик генерала, подойдя и чуть поклонившись, спросил нетерпеливо:

— Одним глазком хоша бы глянуть, барин! Страх, как хочется...

Суворов снисходительно вздохнул и пожал плечами:

— Ступай! Только живой ногой, — и добавил, повернувшись к капитану: — Вот так, господин капитан, земля-то слухами полнится.

Денщик, стуча сапогами, взбежал на крыльцо арестантской избы и пропал за тяжёлой дверью. Офицеры посмотрели друг на друга. После короткого знакомства возникла естественная пауза, прервать которую мог только старший по званию.

— До меня донеслись слухи, что злодей сношался с моими старыми знакомцами. Вам это ведомо, господин, капитан?

— Это с кем же, позвольте узнать?

— С братьями Пулавскими, — Маврин выдержал паузу, явно не торопясь с ответом и кое-что припоминая, но Александра Васильевича это молчание не насторожило и не обескуражило. Он отдался во власть воспоминаний: — Да, в Польше они нам досадили крепко. Вот уж воистину чертовы ляхи! Появлялись, как из-под земли, — худое, подвижное лицо Суворова осветилось озорной, плутовской усмешкой. — Налетят, пехоту нашу порубят саблями в капусту и исчезают, аки призраки в ночи! — и генерал мелко, бисерно расхохотался.

Маврин из вежливости скупно улыбнулся. Ему, носящему воинское звание, но почти не бывавшему на театре военных действий и редко-редко слышавшему свист пуль, была чужда эта неожиданная весёлость.

— Насколько мне известно, господин генерал, — начал он с довольно постной физиономией, — с ним был некоторое время один из братьев.

— Который?

— Младший. Но очень недолго.

В лице Александра Васильевича мелькнуло искреннее недоумение:

— Сие весьма странно. Нашу матушку Россию они не жаловали никоим образом. А этот вор и самозванец — для них прямо-таки царский подарок! Лже-то Дмитрия они, чай, до сих пор не забыли?

Капитан принуждённо вздохнул и развёл руками:

— И, тем не менее, это так.

Суворов хитровато усмехнулся:

— Тут, батенька мой, суровая жизненная диспозиция — гусь свинье не товарищ. Пулавские-то шляхта, а наш злодей — беглый казак.

— Но и Гришка Отрепьев, господин генерал, не был аристократом, а ведь Марина Мнишек не погнушалась за простого смерда замуж пойти, — авторитетно возразил Маврин. Александр Васильевич пожал худенькими острыми плечами:

— Стало быть, времена меняются. И люди, с Божьей помощью, умнеют.

Над Яицким городком стоял серенький осенний денек. За крепостными стенами метался безудержный, осатанелый «степняк» — шальной сентябрьский ветер, пригибая долу клоchyя иссохшей травы и гоняя тёмные, устрашающие шары перекасти-поля. Иногда его порывы достигали узких городских улочек, чтобы окончательно запутаться среди неказистых деревянных домишек, швыряя песком и пылью в подслеповатые окошки, вороша солому двускатных крыш.

— На Дунае, ваше превосходительство, я чаю, ещё лето стоит? — желая сменить тему и немного польстить генералу, негромко сказал Маврин, чуть поёжившись и запахивая мундир. Суворов охотно откликнулся:

— Сейчас там самое золотое времечко. Жара спала. Ночи тёплые, ясные. Даже костров разводить не надобно. Подстелил шинель либо бурку и спи себе сном праведника, — морщины на лице генерала расправились, и в его голосе появилась романтическая мечтательность.

— А сколько дней вы изволили сюда добираться?

— От Царицына девять дён, — мгновенно ответил генерал, безо всякого усилия переходя от одной темы к другой, — вёрст по шестьдесят приходилось в сутки отхватывать.

— Те-те-те! — прицелкнул языком Маврин.

— А бравый Михельсон-таки упредил меня. В пух разгромил злодея! — и Суворов обескураженно развёл руками. Капитан, с заметным удовольствием наблюдая этот спектакль, тем не менее, ввернул:

— Скрутили его, между прочим, свои же подручные.

Но генерал и тут не уронил себя:

— А это, батюшка мой, немудрено. Откуда же у этих мерзавцев должны быть понятия о чести, верности, самопожертвовании? Им собственная шкура всего дороже, — Маврин согласно кивнул головой, поскольку возразить было нечего, но в голосе Александра Васильевича мелькнул неутолимый интерес: — А сам злодей-то вину отрицал? От всего отрекся — я, мол, не я и шуба не моя! На это дело они мастаки, — генерал сморщил худое подвижное лицо.

— Представьте себе — нет! — капитан помедлил и добавил негромко: — Сие удивительно, но признал вину сразу. Причём сказал весьма примечательные слова.

— Какие, ежели не секрет?

Маврин ответил через минуту:

— «Богу было угодно наказать Россию через моё окаянство!» — голос капитана прозвучал чересчур серьёзно и даже торжественно, так что генерал не решился прервать невольную паузу, однако его живая импульсивная натура не могла долго пребывать в бездействии.

— Да неужто? — Александр Васильевич чуть отступил. — Так-таки и сказал?!

— Слово в слово.

Суворов зачем-то потянул за эфес небольшую шпажонку, болтавшуюся у левого бедра, вытащил на треть и опять со стуком вогнал в ножны. Маврин безотчетно следил за ним, словно бы ожидая от знаменитого полководца какой-то неожиданной выходки.

— Ну, что, господин капитан, пора и нам повидать знаменитого злодея. А он, как на грех, ещё и «философ»! — и Александр Васильевич, быстро перебирая маленькими короткими ножками и заметно прихрамывая, со стуком избежал на крыльцо. Капитан-поручик Маврин с готовностью поспешил ему вослед.

2

В просторной, низкой избе было сумрачно. Войдя и привычно поискав икону, Суворов троекратно перекрестился, снявши шляпу и чуть склоняя седеющую голову, потом быстро посмотрел налево: деревянная клетка занимала дальний угол за печью, заполняя его целиком. Ещё не успев освоиться с обстановкой, генерал, вопреки всему, нутром почуял на себе пристальный, ощупывающий взгляд.

Не надевая шляпу и потряхивая жидкой косицей, он бодро шагнул в тёмный угол на осторожный, вкрадчивый перезвон цепей. Его остановили глаза преступника. Нет, не испугали, а именно остановили, будто в ноги боевому генералу упала бомба, бешено крутясь и шипя горящим фитилем. И он заколебался — то ли отшвырнуть её ногой, то ли, закрыв руками голову, прыгнуть в ближайший окоп? Сопровождавший Суворова капитан успел заметить, как маленькая фигура полководца напряглась и выпрямилась, почти вытянулась «во фронт», будто на императорском плац-параде. Прославленный генерал и знаменитый разбойник молча осматривали друг друга.

Пугачёв сидел, раскорячив ноги, на грязном бараньем тулупе, его запястья и лодыжки охватывали широкие железные «браслеты», от которых опускались на пол клетки длинные тяжёлые цепи, гремящие при каждом движении. Но сейчас преступник сидел, не шевелясь, не отводя взгляда от лица генерала.

Глаза у него были странные — это отмечали все, видевшие грозного бунтовщика. Довольно большие, чёрные, но вокруг зрачков — зеленоватые, словно фосфорические окружия. Такие глаза бывают у людей, отмеченных печатью провидения — пророков, юродивых, великих праведников и грешников.

Слегка оплывшее, одуловатое лицо окаймляла густая, чёрная, с серебряными прожилками борода, в которой запуталось несколько жёлтых соломинок. Космы слипшихся, давно не стриженных и не мытых волос закрывали довольно высокий лоб почти до самых бровей.

— Родом ты, братец, откуда? — совершенно неожиданно спросил генерал.

— С Дону. Станица Зимовейская, — очень охотно ответил Пугачёв спокойным, отнюдь не устрашающим голосом.

— На государевой службе состоял?

— Вестимо. В Пруссии случилось воевать. Было дело.

Суворов заметно оживился:

— С Фридрихом? В семилетнюю войну?

Пугачёв шевельнулся, гремя цепями:

— С ним. В Померани, кажись.

Александр Васильевич заблестел просветлевшими голубыми глазами:

— Да неужто, братец? Мы с тобой, Божьей милостью, во славу Отечества на одной земле сражались. Генерала Берга помнишь?

— Енарала? А как же! — не очень твёрдо ответил Пугачев.

Капитан Маврин, стоявший за спиной Суворова, с заметным интересом следил за разговором двух знаменитостей. По роду службы, приучившись наблюдать и анализировать, он не мог не отметить разительное несходство собеседников и, как ни странно, нечто, объединяющее того и другого. Характер Пугачёва — неустойчивый, тревожный, увлекающийся, с постоянными перепадами настроения — от буйного веселья до полнейшей апатии — был ему в общих чертах известен. А вот прославленного полководца капитан видел впервые, правда, будучи о нём достаточно наслышан.

О чудачествах Суворова ходили легенды. Слушая увлечённый разговор генерала, Маврин нет-нет да и пугался неожиданной мысли: «А вдруг тот откроет дверцу клетки и выпустит злодея или войдет туда сам?..» Между прочим, и Пугачев был не чужд разного рода головокружительных выходов. Сколько раз его могли убить или взять в плен, когда он пьяным появлялся в первых рядах бунтовщиков под стенами осаждённых крепостей!

— Как же, братец ты мой, угораздило тебя противу закона и порядка пойти? Смуту в государстве посеять и Божий промысел нарушить? — укоризненно и даже сердито спросил Александр Васильевич, вдруг перейдя от приятных воспоминаний о своих первых воинских подвигах к событиям настоящим.

— Бес попутал, — почти искренне, но с крохотной долей притворства ответил Пугачёв и широко перекрестился. Суворов внимательно посмотрел на его пальцы и быстро сказал:

— Тут не бесом, а целым сатаной пахнет. Крест-то, братец, кладёшь двумя перстами! В раскол давно ли ударился?

— Старой мы веры, — твёрдо ответил преступник.

— Кто это мы? — мгновенно переспросил генерал.

— Казаки донские, стало быть.

Прославленный полководец несколько минут молча созерцал собеседника, словно некое диковинное создание, и тот, ощущая на себе этот внимательный, испытующий взгляд, смиренно опустил густые ресницы, прикрыв свои странные глаза. Маврин терялся в догадках — осознаёт ли скованный преступник — кто стоит перед ним?

То, что сам Пугачев и его окружение были достаточно осведомлены о жизни верхов российского государства — говорили любопытные и курьёзные детали: ближайšie подручные злодея назывались именами виднейших вельмож — графов Чернышова, Воронцова, Орлова, Панина, то есть самым тесным кружком императрицы. Капитан даже посмеивался втайне — самозванец, разыгрывая этот наивный маскарад, не давал себе труда задуматься над его комической стороной: если царствующая императрица вероломно захватила трон (как утверждала народная молва), то каковы же её помощники? Сам злодей, именуясь низложенный императором Петром III, зачем-то упорно держит вблизи себя фаворитов свергнувшей его супруги...

— А имя покойного государя кто тебя надоумил принять? — словно подслушав мысли капитана, без обиняков спросил Суворов.

— Кабы знать, что он умер! — двусмысленно ответил Пугачев, искоса посмотрев на генерала. — В народе-то бают по-другому.

Глаза Александра Васильевича гневно сверкнули:

— Не бают, братец ты мой, а брешут! Аки псы шелудивые и смрадные! — генерал

махнул рукой с зажатой в кулаке шляпой. — Император Пётр Феодорович почил в Бозе. И батюшка мой — Василий Иванович — видел его на смертном одре своими собственными очами.

Преступник недоверчиво смигнул странными фосфоресцирующими зрачками. Сейчас у него был вид обычного юродивого, сидящего в железных веригах где-нибудь на церковной паперти. Суворов упрямо качнул головою:

— Что в Писании-то сказано? Богу — богово, а кесарю — кесарево. Дозволено ли простому смертному таковые поступки совершать? Приводить в смятение умы и потрясать основы государства, что может быть страшнее и преступнее?! Гришке Отрепьеву да Стеньке Разину доселе анафему с амвонов возглашают — и подолом. Ибо сие есть грех великий! — и Александр Васильевич истово перекрестился.

Пугачёв не поднимал головы, но по его позе явно ощущалось, что страстные слова полководца вызывают у него внутренний протест. Маврин невольно подумал о тщете и бесполезности гневной тирады генерала, «мечущего бисер перед свиньёй». Хотя два дня назад Пугачёв покаялся перед ним и охотно признал вину — истинного раскаяния от злодея так и не довелось услышать. Да и возможно ли это вообще? Капитан весьма и весьма сомневался.

Александр Васильевич ещё раз пристально окинул согбенную фигуру преступника, который с показным смирением не поднимал век, осторожно позванивая увесистыми оковами, и сказал укоризненно:

— Покайся, братец! Проси милости у Господа за грехи свои тяжкие. Да сокрушит он твоё жестокосердное сердце! — и генерал широко, троекратно перекрестил злодея. Тот неуклюже втянул склонённую голову в широкие плечи.

3

После ухода генерала и сопровождающего его капитана Пугачёв некоторое время неловко возился в своей тесной клетке, взбивая солому и стеля поверх неё бараний тулуп. В избе сгущались сумерки, и один из четвёрки солдат, карауливших преступника, зажёл сальную свечу. Гремя кандалами, Емельян улёгся навзничь и смежил веки.

В те минуты, когда он говорил со своими неожиданными посетителями и потом устраивал себе постель, его охранники не издавали ни звука — знаменитый преступник внушал им суеверный страх. Пугачёв лежал на боку, вытянув руки и подогнув ноги, чтобы кандалы не давили его своей тяжестью. Кожа под железными браслетами чесалась и саднила.

В избе установилась такая гулкая, настороженная тишина, что стало слышно, как беспечно шебуршат в щелях тараканы и самозабвенно воюют под полом мыши.

— Чё-то зябко стало, — осторожно подал голос один из солдат, полагая, что их подопечный уснул. — Може, печку затопить?

— Давай, топи, — тоном приказа ответил капрал и поправил фитилёк свечи.

Пугачёв шевельнулся.

— Эй, служивые! — раздался из тёмного угла сильный сорванный голос. — Это кто ж тут давеча был?

Солдаты вздрогнули и переглянулись. Им не запрещалось разговаривать с преступником, однако общая молва и тот неодолимый ужас, который следовал за ним по пятам, невольно заставляли их сдерживаться. Капрал, помня, что он здесь старший, нехотя выдал:

— Генерал Суворов, — он будто бы выдал некую военную тайну.

— Да неуж?! Сам Суворов? — Пугачёв непроизвольно дернулся, и железные цепи глухобрякнули.

Солдаты подавленно молчали. Странные глаза злодея загорелись жаркими, самозабвенными огоньками, а фосфорические окружая зрачков ярко высветились и устрашающе мерцали в полутьме.

— Семён! — неуверенно позвал капрал. — Печка-то, чай, сама не загорится.

Один из солдат нехотя стал и пошёл вон из избы.

— Надо жеть, сам Суворов! — негромко, словно самому себе, но так, чтобы явно слышали окружающие, воскликнул Пугачёв. — Он же ж с туркой воюет! Да неуж она... — это слово он намеренно выделил голосом, произнес его с интимно-короткой интонацией, будто речь шла о законной жене, дабы караульные поняли, что разговор касался царствующей императрицы, — удумала турку пожалеть?

В избе опять повисло тягучее, напряжённое молчание. Двусмысленные слова преступника размагничивающе действовали на солдат, на что и рассчитывал колодник. Будучи простыми русскими людьми, они безо всяких колебаний, безоглядно верили слухам, а упорная молва о том, что этот странный человек — чудом спасшийся царь Пётр Фёдорович — подспудно делала своё дело. И даже присутствуя при раскаянии злодея, и слыша разговор его со знаменитым полководцем, они, вопреки всему, не

могли верить собственным глазам и продолжали верить легендам.

Пугачёв, слыша это тревожное, сосредоточенное безмолвие и зная ему цену, искренне наслаждался. Он знал, что частенько умеет внушать простым людям необъяснимый суеверный трепет. Но тут ему подумалось, что присутствие самого Суворова тоже говорит о многом. Уже который год шла русско-турецкая война, и для России не существовало дел и забот превыше этого. И вдруг самый удачливый генерал, снискавший себе славу блистательного и непобедимого полководца именно в битвах с турками, неожиданно отзывается вглубь России. И для чего? Чтобы подавить бунтовские подвиги простого донского казака Емельки Пугачёва!

Солдат Семён притащил охапку дров и с шумом вывалил её у печки. Со стуком распахнув чугунную дверку, напихал в пустое чрево толстую ломкую солому, потом уложил поверх её тёмные корявые поленья. Узник из своего угла довольно хорошо различал лицо солдата — его сурово сведённые брови, скупо сжатый рот, наморщенный лоб. И ещё он замечал, что Семён упорно избегает его взгляда.

— Какой он всё ж таки тощой да махонький... Этот Суворов, — всё так же негромко рассуждал преступник. — Аршин, поди-тка, с вершком. Я-то думал, Суворов — о-го-го! — вполне искренне продолжал бывший казак, воочию видевший известных генералов Румянцева и Потёмкина — мужчин саженного роста и завидной дородности.

— Мал, да удал! — коротко обрезал капрал на правах старшего, нутром почуяв, что разговор переходит допустимые границы. В глазах Семёна, сидевшего на корточках перед разгоравшейся печкой, мелькнула какая-то тень. Узник, не отводивший от него пристального взгляда, заметил её и присовокупил:

— Оно, конечно, так. Только мы не таких орлов видали, — по привычке двусмысленно ответил Пугачёв, зная, как обезоруживающе действуют такие речи на души простых людей.

— Ты говори, да не заговаривайся! — вспыхнул капрал. — Мало те шелепов-то железных высыпали!

— Да ладно тебе, Пахомыч! Уймись, — урезонил начальника самый пожилой из солдат, — Оне и так наказаны, — и осторожно кивнул в сторону преступника.

Тот удовлетворенно прикрыл веками свои необычные глаза. Уважительная интонация, прозвучавшая в голосе солдата, и грубый окрик капрала, за которым скрывались нервозность и страх, даже обрадовали его. На какую-то долю секунды самозванец почувствовал, что он снова внушает людям необъяснимый трепет и желание подчиняться. В него опять была готова вселиться непонятная, неукротимая сила, стремящаяся повелевать всем. Та сила, все признаки которой проявлялись и в облике маленького генерала, с той лишь разницей, что она не внушала опасения.

Солома в печи жарко затрещала, оранжевые сполохи пламени ярко осветили круглое лицо белобрысого солдата. Из-под опущенных век Пугачёв явственно различал, что оно обрело покорное, почти сонное выражение. (Узник, разумеется, не знал, что это состояние на языке психологов называется «сомнамбулизмом», то есть определённой фазой гипноза, когда человек, впадая в некий транс, с готовностью выполняет все требования и команды медиума). Дерзкая мысль шевельнулась в голове самозванца, но тут раздался зычный голос капрала:

— Семён, ты вьюшку-то открыл?

— А-а-а?.. — повернул тот сонное, непонимающее лицо.

— Вьюшку, говорю, открыл? Что-то чадно больно.

Солдат, сбросив оцепенение, медленно встал и потянул на себя печную заслонку. Пугачев не спеша повернулся на другой бок, гремя докучливыми цепями.

4

В гарнизонной офицерской избе было жарко натоплено, горели ярким, ровным светом стройные восковые свечи. Суворов, сбросив мундир, остался в белой полотняной рубахе. Маврин и ещё пятеро офицеров, из уважения к персоне генерала, только расстегнули верхние пуговицы мундирных сюртуков и поставили в угол шпаги.

Александр Васильевич, сидя на лавке под образами, ссутулив и без того узкие плечи, покачивал кончиками сапог, на палец не достававшими до полу. Господа офицеры сидели поодаль, соблюдая должную в подобных случаях дистанцию, дабы не оскорбить генерала и не унижить себя. Они только что пообедали постными щами, закусив их рыбным пирогом и пропустив по рюмочке анисовой — всё с ведома Александра Васильевича, свято соблюдавшего все предписания церковного календаря. В желудках офицеров, мало в чём утеснявших себя, было пусто и неудобно.

Во время обеда и после одного разговор, по русскому обычаю шёл, конечно же, о внешней политике. Этому способствовало в немалой степени присутствие Суворова, спешно прибывшего с театра военных действий. Русско-турецкая война тогда была самым главным и увлекательным событием.

— А что, ваше превосходительство, — деловито вопрошал солидный майор-интендант, — артиллерия-то у турков какова?

— Изрядная, — быстро отвечал Александр Васильевич. — Пушки, мортиры, единороги. Гостинцы сыпят ядрами, бомбами, картечью. Всем, чем изволите, подставляй головушку только!

— Однако! — брови у майора поползли кверху. Худое, подвижное лицо Суворова сморщилось в озорной, снисходительной усмешке:

— А вы, батенька мой, полагаете, будто турки только своими кривыми ножами воюют?

Офицеры сдержанно улыбнулись. Комендант Яицкого городка полковник Симонов сокрушенно тряхнул седеющей головой:

— Научили, значит, басурман на свою голову.

— Да кабы они только у нас учились, помилуй Бог! — тут же откликнулся генерал.

— Наставников у них, слава Аллаху, хватает. Одни французы чего стоят!

Капитан Маврин, будучи самым младшим по чину, скромно сидел на краю скамьи и не вмешивался в разговор, хотя все присутствующие относились к нему с должным уважением, помня, какую миссию он осуществляет. И Суворов тоже понимал, что неприметный капитан-поручик является здесь главной фигурой, и потому выражался несколько велеречиво и туманно, вопреки своим всегдашним привычкам.

Маврин вспомнил, что, говоря о французах, знаменитый генерал имел в виду, скорее всего, барона де Тотта, помогавшего туркам отливать пушки. Этот де Тотт вызывал особую нелюбовь императрицы.

— Ну, ничего! Мы им всем покажем! — храбро воскликнул майор-интендант, слышавший свист пуль только за стенами крепости. Все присутствующие засмеялись.

— Это, как пить дать, помилуй Бог! — охотно подхватил Суворов. — Достанется всем на орехи! — он широко махнул рукой, и офицеры невольно посерьезнели. — Наша матушка Россия всему миру покажет свою силу и стать. И буйным туркам, и хитрым французам, и мешкотным немцам, и надменным англичанам. С Божьей помощью всех врагов одолеем! — и полководец привычно, размашисто перекрестился.

Офицеры, как по команде, подтянулись и сотворили приличествующие случаю физиономии. Маврин усмехнулся про себя. Он был наслышан о редкостном и курьёзном лицедействе знаменитого военачальника и теперь мог наблюдать его воочию.

К слову сказать, все выглядело достаточно правдиво и убедительно. А окажись на месте офицеров команда солдат — вслед за словами генерала грянуло бы дружное, оглушительное «ура!» Но теперь, после внушительной паузы, разговор опять вернулся к войне. Она занимала тогда все просвещенные и непросвещенные умы.

Россия, под яростный гром пушек и холодный блеск штыков, упорно проламывалась в тесные ряды европейских держав, демонстрируя свою мощь избиением одряхлевшей Оттоманской Порты. И самоуверенная, блистательная Европа с недоумением и тревогой взирала на бесцеремонного «азиатского дикаря», нещадно колотящего себе подобных почти в самой её приходеж! Не потому ли наиболее проникательные из её питомцев вроде пронырливого француза де Тотта помогали туркам отливать пушки?

А венценосная властительница полудикой Московии — захудалая немецкая принцесса София-Фридерика, умело устранившая своего незадачливого мужа — однажды захватила трон и обратилась в русскую царицу Екатерину II. И, обратившись, тут же забыла свою крохотную, уютную, добропорядочную родину, находящуюся в самом центре Европы. Можно только искренне подивиться масштабу её преобразования: как маленькая, послушная, безропотная приживалка мигом обернулась опытной, расчётливой интриганкой, проникательной, искусной, умелой правительницей, ловко руководящей тьмою своих подданных!

Маврин, конечно, кое-что знал об отношениях императрицы к знаменитому полководцу: к его чудачествам, неожиданным выходкам и даже шутловству, в котором, кстати говоря, Александр Васильевич был не столь уж блистателен и оригинален. Шутловством тогда пробавлялись многие, вплоть до всемогущего Потёмкина. Только не знал капитан-поручик другого, вернее, не успел узнать — скоропалительное появление в Яицком городке Суворова объяснялось не верноподданныческими чувствами генерала и отнюдь не стремлением навсегда покончить с главным злодеем, потрясающим основы государства, а желанием загладить собственную вину и, возможно, обезопасить себя.

Дело в том, что победоносный военачальник некоторым образом позволил себе самоуправство, то есть попросту сменил поля сражений. А причиной тому была сильнейшая неприязнь к удачливому и более молодому генералу Каменскому, стремительно обошедшему его в чинах и наградах. Надо полагать, что будь Александр Васильевич званием поменьше и славой поскромнее — ещё неизвестно, чем бы закончилась его

самовольная отлучка. Одержав стремительную победу при Козлуджи и разделив (к большой досаде) её лавры с тридцатишестилетним Каменским, сорокачетырёхлетний Суворов, стремительно оставив своё воинство, уехал в Москву к молодой жене, отношения с которой у него не сложились с самых первых дней супружества.

Фельдмаршал Румянцев — прямой начальник Александра Васильевича был крайне раздосадован его своеволием. Однако неожиданное вмешательство матушки-государыни, повелевшей отправить Суворова на окончательный разгром и поимку Пугачёва — отвели от своенравного генерала начавшие сгущаться тучи. И Александр Васильевич, услышав первые раскаты грома и почуяв запах грозы, не стал дожидаться слепящих, испепеляющих ударов молний, а тут же ринулся во мрак и неизвестность.

5

После продолжительного, но бессодержательного разговора, в котором хозяева — порою неуклюже и грубовато — стремились польстить гостю, было решено отправиться на покой. Под конец беседы даже энергичный и подвижный Александр Васильевич несколько обмяк и лишь продолжал улыбаться сухими, морщинистыми щеками в ответ на потоки лести, щедро заливавшие его со всех сторон.

Впрочем, лесть эта казалась вполне искренней, поскольку исходила она из уст неродовитых, небогатых армейских офицеров, до глубины души завидующих удачливому, преуспевающему генералу, воюющему за пределами Отечества. В то время когда они — в грязь, распутицу и холод — таскаются по заволжским степям, разгоняют отряды бунтовщиков, состоящие из разной сволочи. А награда за всё это — глухая ненависть собственных крепостных, или подлый удар суковатой дубины в кромешной темноте, либо поджог родовой усадьбы.

Александр Васильевич встал, зевнул, мелко перекрестил рот.

— Я, ваше превосходительство, приказал баньку истопить, — радушно сообщил комендант крепости Симонов, — чай, уже послела.

— Премного благодарен, любезный, — устало улыбнулся Суворов, — но нам недосуг, да и умаялся я крепко, — офицеры сочувственно вздохнули. — Злодея бы попарить не мешало, а то вши да блохи по нему эскадронами скачут! — неожиданно прибавил бравый генерал.

Симонов недоумённо поглядел на майора-интенданта, потом перевёл взгляд на капитана Маврина. Тот пожал плечами:

— Относительно мытья преступника в бане — на то высочайшего распоряжения не имеется.

Александр Васильевич усмехнулся:

— На нет, вестьмо, и суда нет. Кабы только они его до смерти на заели — и казнить тогда некого будет.

Офицеры, искоса переглядываясь, прятали улыбки — шутки прославленного генерала имели успех, будоража рутинную скуку армейской жизни. Маврин же сотворил непроницаемое лицо, памятуя, что сейчас он как бы представляет собой некое воплощение государева ока.

— Ну что, ваше превосходительство, — скрывая в усах улыбку, склонил голову Симонов, — тогда позвольте откланяться. Спокойной ночи!

— Благодарю покорно. И вам всем того же желаю! — генерал тряхнул облачком лёгких тонких волос, с трудом прикрывавших намечающуюся плешь.

Все офицеры, кроме Маврина, застегнули мундиры и разобрали шпаги. За толстыми бревенчатыми стенами уже вовсю хозяйничала глухая, тёмная сентябрьская ночь. К немалому удивлению капитана-поручика, генерал перекрестился на образа и тут же приказал денщику подать бараний тулупчик. Вопросительно взглянул на Маврина:

— А вы, батюшка, мой, почивать-то ещё не собираетесь?

— Нет, отчего же? Я бы охотно...

— Тогда пошли.

— Позвольте, а куда? — оторопело взглянул Маврин. Генерал подмигнул:

— К нашему крестнику, куда же ещё? — и тут же посерьёзnel. — Бережёного, как водится, и Господь бережёт, — Суворов поплотнее запахнул полушубок.

Капитан, в душе кланя чрезмерную исполнительность и педантизм генерала, пристегнул шпагу и накинул плащ, кутая лицо в воротник. На дворе буйствовал сырой осенний ветер, гулко завывая в трубах и срывая солому с крыш. Генерал, твёрдо идущий впереди с денщиком, к немалому удивлению Маврина, очень уверенно разбирал дорогу, хотя шагал по ней только вдругорядь, причём заметно прихрамывая. Настроение у капитана портилось прямо на глазах — мало того, что они тащились в кромешной темноте — им ещё предстояло провести целую ночь в вонючей, грязной избе, бок о бок с солдатами и закоренелым преступником. И всё благодаря прихоти честолюбивого генерала, желавшего, неизвестно перед кем, показать старание и прыть!

В арестантской избе было тихо, душно и сумрачно.

— Кто идёт?! — напряженным, тревожным голосом окликнул капрал, когда запахнулась тяжёлая дверь и внутрь втиснулись три согбенные фигуры, щуря глаза на пламень свечи.

— Свои, служивый, — миролюбиво ответил генерал, сбрасывая с худых плеч полушубок. Узник демонстративно загремел увесистыми цепями.

— Кормили? — кивая в сторону Пугачёва, деловито осведомился Александр Васильевич, сунув шубу в руки денщика.

— Точно так, вашество! — стоя навытяжку, отчеканил капрал. Суворов, взяв со стола свечу, благодушно кивнул замершей охране:

— Сидите, братцы, вольно! — и осветил неярким, колеблющимся светом клетку с преступником.

Из темноты на него воззрились странные глаза злодея. Маврин, стоявший за спиной генерала, мигом забыл все свои тревожения и мысленно перекрестился — этот неподвижный, всепроникающий взгляд вызывал у него лёгкий озноб.

— Ужином, я чаю, доволен? — участливо и приветливо спросил генерал.

— Какое доволен! — пробурчал, привставая, Пугачёв. — Рази это ужин!

Суворов с интересом подошёл и, опустив свечу, осветил ею пол тесной клетки. Там, на соломе, стояло длинное деревянное блюдо с наполовину съеденным варёным судачком и куском ржаного хлеба.

— Э-э, любезный! Ты как та коза-дереза! — прищёлкнул языком Александр Васильевич.

— Кака-така дереза? — удивленно смигнул Пугачёв, и Маврин почувствовал, как страх отпускает его.

Суворов опустился на корточки перед клеткой и, поставив на пол свечу, весёлой скороговоркой стал рассказывать преступнику простонародную сказку про хитрую, провередливую козу, из-за которой излишне доверчивый дед, её хозяин, вначале прогнал бабу, потом внучку и, наконец, решил испытать животину сам:

— Выпасал её целый день по лугам и долам, поил из ручьев и речек, а потом погнал домой, а у околицы отвязал верёвку, побежал к дому, сел на завалинку, дождался козы и спрашивает, — Александр Васильевич заговорил стариковским фальцетом, — сыта ль ты, козочка? Сыта ль, матушка? Каково пила да ела?.. — в избе воцарилось сосредоточенное, выжидательное молчание. Солдаты, слышавшие эту сказку ещё во младенчестве, тем не менее, внимали ей с открытыми ртами. А генерал загнул дребезжащим тенорком: — Не пила я, батюшка, и не ела. А бежала через мосточек — ухватила кленовый листочек! Бежала через гребельку — ухватила водицы капельку! — охрана, в том числе и Маврин, сдержанно засмеялась. Суворов вытянул худой, гибкий палец и погрозил им воображаемой козе, а точнее — скованному преступнику: — Взял тогда дед хворостину и ну стегать подлую козу по бокам да по спине, за её изветы да ложь. И поделом!

Солдаты уже смеялись вовсю. Хохотал и капитан, заразившись общим весельем. Не смеялся только Пугачёв, прекрасно понявший и смысл, и адрес незатейливой сказки, но упорно делавший вид, что она не имеет к нему ни малейшего касательства.

— Дед-то, знать, не шибко умный был, — внушительно бросил он, когда в избе установилась относительная тишина. — Кабы умный был — сразу бы понял.

Тишина из относительной превратилась в зловещую — солдаты мгновенно сообразили, в кого метит узник. Он бросал вызов самому Суворову!

— Так то — дед! — генерал хитро усмехнулся. — А нам перста в рот не клади — голу потеряешь! — он погрозил преступнику тонким подвижным пальцем. Тут охрана с облегчением загрохотала.

Явное посрамление знаменитого лиходея, несколько лет повергавшего российскую державу в смятение и страх, несказанно обрадовало всех. Капитан Маврин, тоже смеявшийся от души, почувствовал мгновенный прилив симпатии к маленькому непоседливому генералу, так внезапно и ловко разрядившему гнетущую атмосферу арестантской избы.

— Прохор, — обратился Суворов к денщику, когда неожиданное веселье немного утихло, — ты мне на лавке постели. К двери поближе. А вы, батюшка, где лечь изволите? — повернулся он к Маврину. Капитан пожал плечами:

— Да мне, собственно, всё едино.

Даже после довольно удачной развязки ему очень не хотелось коротать ночь в неудобстве и смраде. Он поспешно достал из кармана табакерку и, захватив щепотку душистого Rare, поднес её к брезгливо кривящемуся носу. Суворов, между тем, привычно распорядился:

— Стели, Прошка, господину капитану в красном углу. А вы, служивые, будете нести караул попарно. Двое спят, двое в дозоре. Через два часа — перемена. Ясно?

— Точно так, — не очень уверенно ответил капрал.

Александр Васильевич быстро взглянул на него, и не успел капрал объяснить причину своей неуверенности, как генерал вынул из кармана блестящий швейцарский брегет и нажал на кнопку — откинулась круглая крышка, и раздался приятный мелодичный перезвон. Лица у солдат осветились широкими, восхищёнными улыбками, словно у детей, увидевших диковинную игрушку. Александр Васильевич наслаждался их безмерным восторгом и спрятал часы в карман.

— Я вас менять буду самолично через каждую пару часов. А во дворе караулы расставлены? — обратился он уже к Маврину.

— Всенепременно, — поспешно ответил тот, опасаясь, что генерал отправит его проверять посты.

Пугачёв пристально наблюдал за всем из своего угла через деревянные прутья клетки. За печью тихо стрекотал сверчок.

6

Маленький, заштатный Яицкий городок медленно отходил ко сну. Отсюда два года назад начинался великий бунт, потрясший до основания Российское государство. Здесь впервые объявился беглый донской казак Емельян Иванов Пугачёв, нанимаясь к местным старожилам в работники: кому-то тачал сапоги и шил конскую сбрую, косил сено, по случаю копал огороды.

Однако отменным работником беглец не слыл и потому в услужении долго не держивался. Казаки, хоть и не шибко любили гнуть спину — чужую сноровку и мастерство ценить умели, тем паче, что пришелец с Дона иногда выкидывал поступки вовсе несообразные — одному казаку, например, выкопал в огороде четыре могилы. И на недоумённые вопросы и брань хозяина только неуклюже отшучивался. Тому пришлось прогнать его взашей.

Но бродяга не унывал и отправлялся по другим дворам и заимкам, где принимали его весьма охотно, поскольку видом был он довольно привлекателен. Росту среднего, широк в плечах и тонок в поясе, бороду имел небольшую, с проседью. Густые чёрные волосы, по обычаю, остригал в кружок. Только глаза у скитальца были странные, и некоторые казачки, опасаясь сглазу, упорно отговаривали мужей нанимать его в работники.

К тому же держался Пугачёв весьма независимо и даже заносчиво — при всяком удобном случае начинал поносить местных начальников и — упаси Боже! — царских вельмож. А у жителей Яицкого городка были свежи в памяти, и ещё побаливали раны, полученные совсем недавно, когда генерал-майор Фрейман, присланный из Москвы для усмирения очередного мятежа, картечью прокладывал себе дорогу. Подавив мятеж, генерал упразднил остатки казачьего самоуправления, обратив бывшую вольницу в регулярное войско.

Жители Яицкого городка наружно смирились, но в душе затаили обиду, злость и желание отомстить. Они не привыкли стеснять себя ни в чём. Собственно, и мятеж возник из-за того, что указами царей, начиная с Петра I, все бывшие вольности постепенно и неуклонно урезались, и казачье войско превращалось в обычных стрельцов или солдат. Казаки многократно и дерзко бунтовали, но каждый бунт подавлялся решительно и бесповоротно. А в последний раз особенно быстро, безжалостно и круто...

Кстати, Емельян стал свидетелем недавнего народного возмущения, косвенно участвовал в нём, но, с приходом генерала Фреймана, успел сбежать к староверам-раскольникам в Иргизские скиты. Зачинщики бунта были биты кнутом, около полутора сотен человек сосланы в Сибирь, многие отданы в солдаты. Остальные приведены к присяге и великодушно прощены. Но казачья своевольная натура не могла смириться с подобным унижением и требовала отмщения...

Все предыдущие бунты вспыхивали стихийно — приезжал чиновник из Москвы или Петербурга, зачитывал очередной царский указ, в котором предписывалось упразднить ещё одну или несколько местных привилегий — жители городка молча выслушивали, расходились по домам, потом опять собирались на тайные стоворы. Распалляли друг друга упрёками, похвальбой, дерзкими, несбыточными мечтами — и глядь — тут же находился самый ярый зачинщик бунта. Обрадованные этим обстоятельством смельчаки хватались за оружие — и начиналась кутерьма...

Но власти тоже не дремали — от мятежа к мятежу они всё удачней совершенствовали способы и сроки его подавления. И бунтовщики, таким образом, неуклонно обкрадывали сами себя, поскольку с пресечением очередного возмущения ещё более урезались бывшие свободы. Слово на шее дикого жеребца затягивался крепкий ремённый аркан. И тут объявился Пугачёв...

Яицкий городок, разорённый, иссечённый кнутом, но не сломленный до конца, мстительно затаился. Жалкие его домишки, стоящие на берегу шумной, быстрой реки

с тёмными, мутными водами (такими же тёмными, как души его обитателей), словно застыли в ожидании...

Людская память коротка, но, в сказках и преданиях, старожилы передавали полузабытую молву о былой славе яицких казаков. Они вели свою родословную с Дона, от знаменитых ватажников и ушкуйников, бесстрашно плававших по Хвалынскому (Каспийскому) морю и лихо грабивших города по его побережью. А на зиму разбойники перебирались на Яик, и здесь основали свое первое поселение...

В сожительницы брали женщин из ближайших татарских и киргизских улусов. Только, по тогдашнему обычаю, связывать себя браком не полагалось, а детей прижизненно — тем более — и потому ватажники своих сожительниц регулярно бросали — детей же приходилось убивать(!).

Естественно, что со временем отношения с ближайшими соседями — татарами и киргизами — вконец испортились. Они не только перестали получать желанную утеху и забаву, но и сами стали жертвами лихих набегов и расправ. Хочешь — не хочешь — пришлось остепениться...

А чтобы окончательно придать себе вид и положение оседлых, семейных людей — яицкие головорезы отправили депутацию в Москву, к тогдашнему царю Михаилу Феодоровичу — деду Петра I, с нижайшей просьбой принять их под высокую государеву руку.

Царь милостиво простил им все вины и дал грамоту на полное владение рекой Яик — от истока до устья. (С подобным же успехом он мог отдать в их распоряжение Нигер или Амазонку, как, впрочем, и Луну). Но этим роскошным и бездумным жестом царь поселил в разбойничьи головы безмерную, бесшабашную гордыню. И разрешил «набираться на житьё вольными людьми», то есть, в большинстве случаев — всяким случайным сбродом...

За полтора столетия городок, возникший в урочище Коловратном, перебрался на крутой берег Яика, ощутило разросся и стал походить на десятки подобных же поселений по берегам Волги и Дона. И правители, начиная с Петра I, мало-помалу перестали заигрывать с его буйным, своенравным населением, стремясь обратить его в законопослушных и безгласных подданных Российской империи. Но не тут-то было!..

7

Ночёвка в вонючей, грязной, полной тараканами, клопами и мышами избе, превратилась для капитана Маврина в сущую пытку. С клопами он ещё готов был смириться, поскольку ими кишели не только бедные лачуги, но и богатые, роскошные дворцы. Тараканы же, которые так громко и бесцеремонно шуршали своими быстрыми лапками, ловко пробегая по ногам, рукам и лицу — повергали его в оторопь...

Он лежал на лавке, под образами, укрывшись с головой своим шерстяным плащом, обливался потом и дрожал. Сон никак не шёл к нему. На полу, подстелив овчинные полушубки, храпели двое солдат, время от времени, шумно оскверняя и без того спёртый, загаженный воздух. Ещё пара сидела у стола, тараша осоловелые глаза на жёлтое пламя сальной свечи...

Знаменитый генерал спал на лавке у двери, раздевшись до исподнего, укрывшись бараньим тулупчиком и сладко посапывая во сне — многодневная изматывающая усталость давала о себе знать...

Маврин, кое-как утешив себя тем, что, спустя несколько дней, он оставит всё и уедет в столицу, стал усиленно призывать сон, но почти безуспешно. В дальнем углу брякали цепи прославленного разбойника — тому тоже не спалось. Под полом бесновались мыши...

— Эй, служивый! — послышался тихий голос Пугачева, — Водичи дай испить, ради Христа...

— Чаво? — ответил ему протестующе-неприятный шёпот солдата.

— Водичу, говорю, дай! Глотку, чегой-то, завалило...

Солдат нехотя поднялся, заплескал ковшиком в деревянном, громоздком ведре, затем, бухая тяжёлыми сапогами, направился к тесной клетке. Злодей, неуклюже гремя скользкими цепями, кряхтя, уселся поудобней, и протянул руки. Солдат попытался просунуть ковшик сквозь деревянную решётку — не получилось — промежуток между толстыми прутьями оказался слишком узок. Тогда он, не раздумывая, накренил ковш, плеснув на пол струйку воды.

— Сапоги, гляди, не замочи!.. — добродушно проворчал узник, и Маврину показалось, что на лице Пугачёва появилась улыбка.

Солдат смущённо засопел, а капитан-поручик придержал дыхание, предчувствуя — с минуты на минуту должно произойти что-то противозаконное.

— Бог тебя наградит... — опорожнив ковш, заговорщицки прошептал преступник, — И Великий князь тоже...

— Кто? — растерянным голосом переспросил солдат.

— Сынок мой. Великий князь Пал Петрович... — слова злодея прозвучали так убедительно и завораживающе-ласково, что Маврин был готов дёрнуть себя за ухо — не снится ли это ему?..

— А вы рази не... — встревоженным шепотом начал солдат и осёкся. Преступник усмехнулся:

— Беглый казак Емелька Пугачёв? Брешут они все...

Маврин почувствовал, что далее терпеть просто не в силах — крамольные речи арестанта переходили границы дозволенного. Он убрал с лица плащ, сбросив на пол два десятка тараканов, и спустил с лавки ноги. Но тут прозвонил швейцарский брегет генерала, и Александр Васильевич откинул бараний тулупчик.

— Всё, братцы, подъём! Смена караула...

Солдат, сидевший за столом и, видимо, дремавший — сразу подозрительно выпрямился, а другой, стоявший рядом с клеткой преступника, виновато заморгал белёсыми ресницами.

— Ты чего там?.. — сердито покосился Суворов, и солдат, отойдя от решётки, неловко мотнул ковшом:

— Пить оне просили...

Бравый военачальник испытующе оглядел его, потом перевёл взгляд на узника. Пугачёв вытер ладонью усы, бороду, шумно вздохнул, медленно опускаясь на пол клетки. Одутловатое, болезненно-бледное лицо его почти ничего не выражало.

— Ты смотри у меня! — угрозил ему Александр Васильевич худеньким нервным пальцем. Веки преступника дрогнули, открыв лихорадочные, мерцающие глаза.

— А што? Мы ничего... Водичицы только испили... Нельзя, што ля?.. — косноязычно забормотал он голосом юродивого.

Маврин наблюдал за всем из своего красного угла и удивлялся про себя. Лицедейство отпетого злодея было просто поразительным — он, шутя, переходил от немыслимой наглости к полному унижению, не испытывая при этом ни малейших затруднений. Так быстро и естественно, что трудно было поверить, будто перед тобою один и тот же человек!

Но и Суворову капитан поразился не менее того — вскочить, едва-едва пробудившись ото сна и, даже не протерев глаз, мгновенно оценить происходящее — это тоже чего-то стоило!

Пока капитан размышлял — произошла смена караула. Белобрысый солдат Семён и его напарник улеглись спать, а вместо них за столом разместились капрал и пожилой солдат. Суворов, строго отчитав узника, заразительно зевнул, почесался, перекрестил рот и забрался на лавку под тулупчик. В избе опять установилась тишина...

Капитан достал из кармана табакерку с душистым, мягким Rare, начал табакерку обе ноздри, аппетитно чихнул несколько раз подряд и, почувствовав лёгкость и просветление в голове, откинулся на лавку.

Пугачёв внимательно наблюдал за ним из своего тесного заключения. Маврин, ощущая на себе этот взгляд, не спеша, укрылся плащом и смежил веки. Дерзость преступника поражала капитана — будучи пойманным и преданным своими же собственными людьми, сидя в тесной клетке с кандалами на руках и ногах — он ещё питал какие-то несбыточные надежды!

Маврин вспомнил растерянный, угождающе-покорный голос белобрысого солдата и отметил, что останься тот наедине со злодеем — могло случиться самое невероятное. Тут капитан воскресил в памяти первые минуты допроса, когда связанного Пугачёва привели к нему казачий сотник Харчев и комендант яицкой крепости Симонов...

Самозванец был одет в роскошный тафтяной полушубок, зелёную шёлковую рубаху, синие порты и мягкие хромовые сапоги. Но, несмотря на броскость и щегольство наряда — вид у знаменитого лиходея был весьма униженный и растерянный. Маврин, тщательно скрывая сильнейшее волнение — ещё бы — он впервые снимал допрос с того, кто дерзко потрясал самые основы государства — задал преступнику первые вопросы: кто он и откуда?

— Емельян Иванов Пугачёв. Казак станицы Зимовейской... — с готовностью ответил связанный самозванец. В его голосе, взглядах, позе, капитану-поручику виделось полное и глубочайшее раскаяние.

Пойманный и посрамлённый злодей словно бы ужаснулся всего, содеянного им, и готов был повиниться. Вот тогда-то он и сказал, что «Богу было угодно наказать Россию через его окаянство». Но день спустя в настроении преступника наметились перемены...

Тут Маврин, неожиданно для самого себя, уснул...

Спал он беспокойно, неустанно тревожась пугающими, беспорядочными видениями: вдруг ему явственно показалось, что Пугачёв небрежно сбросил цепи и, легко

переломив прутья клетки, беспрепятственно вышел вон... Потом его, капитана-поручика Маврина, насильно одели в рубище, заковав в ручные и ножные кандалы, отвели и посадили в низкое, мрачное подземелье. А там по полу бегали крысы и тараканы...

Каждое ужасающее сновидение прерывалось тогда, когда мелодично звонил брегет Суворова, и Александр Васильевич бодро соскакивал с лавки, меняя караул. Но через несколько минут Маврина вновь одолевали томительные, устрашающие грёзы, заставлявшие его беспокойно ворочаться и постанывать во сне...

8

— Да, батенька мой, храповицкого вы придавили крепко! — свежий, раскрасневшийся Александр Васильевич озорно поблескивал светло-голубыми глазами.

Маврин, чувствую головную боль и ломоту в теле, тяжело поднялся с лавки — казалось, что всю ночь его нещадно дубасили палками. И нынешнее пробуждение представлялось ему продолжением одного из кошмарных ночных видений — та же низкая грязная изба, удушливый смрад и тесная клетка с грозным разбойником. Только маленький, бодрый и улыбочивый генерал был словно бы не совсем ко двору, как бы выпадая из общего разряда.

— Прощка, подай капитану умыться! — приказал Суворов своему денщику и добавил радушно: — Самовар уже поспел. Чайку попьём и за дело примемся.

Маврин накиннул сюртук, натянул, легонько покряхтывая, сапоги — мешал мягкий пухлый живот — и отправился во двор. А когда возвратился назад, то у крыльца его встретил генерал. На Александре Васильевиче висел полушубок внакидку, худые руки он засунул далеко подмышки, отставив чуть в сторону хромую ногу в высоком начищенном сапоге.

— Что-то вид у вас, батенька, не слишком свежий? — участливо спросил он у хмурого капитана. Тот пожал плечами:

— Угорел, должно быть, ваше превосходительство. Спать было душно, — он полез в карман за табакеркой. Достал её, широко раскрыл и протянул генералу: — Могу ли просить об одолжении?

— Нет-нет, голубчик! Я этого баловства себе не позволяю, помилуй Бог! — Маврин, заколебавшись, хотел сунуть табакерку на место, но Суворов снисходительно усмехнулся: — Пользуйтесь-пользуйтесь, господин капитан! Привычка ведь вторая натура. Приобретёте её, говорят, легко, а избавиться — куда как тяжельно, — и под это добродушное, почти отеческое ворчание, капитан быстренько зарядил обе ноздри щепотками своего любимого табака и чихнул, деликатно отвернувшись в сторону. — Вот и славно. На доброе здоровье, батенька! — кивнул генерал своей рано плешивевшей головой.

— Покорно благодарю, ваше превосходительство! — искренне ответил Маврин, заблестев посветлевшими глазами.

Солдаты вокруг не отводили от них взглядов. Точнее, от маленькой фигурки Суворова, напоминая детей, впервые увидевших нечто поразительное и необъяснимое.

— Преступник-то ночью о чём-то с караульным солдатом сговаривался, — понизив голос, сообщил генералу Маврин. Светлые глаза Александра Васильевича чуть потемнели, он плотно прижал к телу острые локти:

— С которым?

— С тем, белобрысым.

Худое, подвижное лицо полководца напряглось и посуровело:

— А-а, тот молодой. Семёном его кличут, кажется?

— Вот-вот.

Александр Васильевич бросил по сторонам быстрый оценивающий взгляд, нервно сжал маленький узкогубый рот. Но через минуту хитровато усмехнулся:

— Злодей, надо полагать, дерзок и нахрапист, и пальца ему в рот не клади! Но загвоздка, мне, грешному, думается — не в нём, — и открытые, по-ребячески наивные глаза знаменитого военачальника сделались стариковски мудрыми и пронизательными. Маврин насторожился. — Вы сами-то, батенька, верите в натуральную кончину покойного императора? — почти шёпотом спросил Суворов. Капитан ответил кратко:

— Без сомнения, — но было в его голосе нечто такое, что заставило генерала иронически подвигать бровями:

— Вот-вот! Коли мы сами обо всём этом не слишком подробно осведомлены, то чего требовать от них? — Александр Васильевич осторожно мотнул головой в сторону солдат и присовокупил: — Матушка Россия всегда жила слухами. Тут ничего не попишешь. И мы с вами, голубчик, с этим никак не совладаем. Помилуй Бог! — он выпростал руку из-под полушубка и тронул капитана за плечо. — Пойдемте-ка лучше чай пить!

Маврин подавил вздох. Идти в нечистую, вонючую избу не слишком ему хотелось.

Но теперь фактическим хозяином положения был известный военачальник — у него на руках находился «открытый лист», давший ему право командовать военными и гражданскими чинами любого звания и ранга.

На крыльцо вышел с ковшиком в руке и полотенцем на плече Прохор — денщик Александра Васильевича.

— Давайте, барин, я вам полью, — с добродушной готовностью обратился он к капитану.

Маврин закатал по локоть рукава мундира, распахнул ворот и, широко расставив ноги, стал у нижней ступеньки крыльца, сложив горстью ладони. Прохор умело и ловко наклонил ковш, так что вода полилась умеренной, ровной струйкой. За спиной денщика появился Суворов — в мундире, шляпе и со шпагой у бедра.

— Ну что, батенька мой, вы готовы? Самовар, я чаю, простынет.

Маврин, вытиравший лицо и руки суровым, жёстким полотенцем, успел скрыть невольное удивление — ему упорно думалось, что генерал намерен завтракать в нечистой избе рядом с преступником.

— Да-да! Я мигом! — он суетливо стал поправлять заметно растрёпанный мундир. Суворов снисходительно улыбнулся:

— Ничего-ничего, голубчик! Дело ведь походное, не вахтпарад, поди-ка.

И через несколько минут они дружно отправились в казённую избу, где их ждало в полном сборе гарнизонное начальство.

Несмотря на погожий, ласковый денек — в низеньких, приземистых домишках, в казаках, казачках и казачатах, праздно сновавших по улицам, но упрямо делавших вид, будто они заняты важными заботами — и даже в самом воздухе — было разлитое напряжение. Томительное, тщетное ожидание чего-то необъяснимого и страшного. Маврин, шагавший вслед за прихрамывающим генералом, почти физически ощущал на себе пронизывающие, вопрошающие взгляды, словно незримые пути, набрасываемые со всех сторон. Он несколько раз споткнулся на ровном месте, а юркий полководец шагал уверенно и бойко, несмотря на свою увечную ногу.

Когда они вошли в гарнизонную избу и Александр Васильевич, сняв шляпу, привычно перекрестился на иконы, местные чины во главе с полковником Симоновым застыли вдоль стены.

— Доброго здоровья, господа офицеры! Покорнейше прошу садиться, — мягкоскомандовал, вернее, попросил Суворов. Офицеры, сдержанно поздоровавшись, расселись по лавкам. На столе, покрытом свежей крахмальной скатертью, сверкал пузатый самовар, вокруг громоздились бублики, баранки, свежий хлеб, туюсочки с вареньем и мёдом. — Э-э, вот это люблю! — потирая худые нервные руки, бодро воскликнул Александр Васильевич. — Давненько медку российского не едал. Придвигайтесь поближе, господа, — радушно пригласил он почтительно замерших офицеров. Те стали вежливо отказываться. Суворов насупил брови: — Господа! Я вам приказываю! Начальник я вам или нет? Извольте слушаться! — и, не сдержавшись, хитровато улыбнулся.

Полковник Симонов, подавая пример остальным, приблизился к столу. Капитан Маврин, у которого давно сосало под ложечкой, сразу откликнулся на приглашение генерала.

— А что, ваше превосходительство, турки мёду не едят? — подсаживаясь к столу, искательно спросил майор-интендант. Прославленный военачальник охотно повернулся к нему:

— И-и-и, голубчик! Больших сладён вы нигде в мире не найдёте! Всякие там рыхат-лукумы, шербетты, халва... Это всё они придумали. А вот медку такого душистого у них нет, — и Александр Васильевич полез ложечкой в берестяной туюсок.

Офицеры облегченно рассмеялись, а полковник Симонов, по праву хозяина, стал разливать по стаканам горячий чай. Маврин опять подивился простоте и умению знаменитого генерала разрядить самую напряжённую атмосферу и создать вокруг себя привычную, почти домашнюю обстановку.

— Прошу, ваше превосходительство! — полковник Симонов протянул генералу стакан с чаем. — Угощайтесь!

— Благодарю покорно! — Александр Васильевич распахнул мундир и уселся поудобней, доброжелательно оглядывая собравшихся.

— Как вам спалось, ваше превосходительство, по соседству с таким-то злодеем? — сочувственно поинтересовался майор-интендант.

Офицеры с нескрываемым любопытством ждали ответа знаменитого военачальника, поскольку эта неожиданная и странная ночёвка в избе, где находились нижние чины и содержался главный преступник, казалась всем курьёзной и даже сумасбродной выходкой.

— Прекрасно, голубчик! — генерал повернулся к Маврину. — Вы не разделяете, господин капитан?

Жуя бублик и запивая его горячим чаем, капитан-поручик от неожиданности едва не поперхнулся.

— Нет, отчего же! — он героическим усилием протолкнул в горло кусок. — Если бы только не мыши да тараканы...

Офицеры дружно рассмеялись.

— Ну, тараканов да мышей у нас здесь везде хватает, — махнул рукою Симонов. Майор-интендант тут же подхватил:

— Всю муку да крупу изгадили, ваше превосходительство. Чистая напасть!

Суворов только добродушно посмеивался, с аппетитом прикусывая баранки и шумно прихлёбывая чай.

— Злодею-то завтрак послали? — не сгоняя с лица улыбки, как бы между прочим, спросил он у коменданта. Полковник Симонов хмуро кивнул в ответ:

— Куда же тут денешься? Пришлось.

Александр Васильевич с минуту смотрел на него ясными голубыми глазами, потом прибавил, тая улыбку:

— Жаловаться он изволил, господин полковник. Кормят-де его неважно.

Симонов покраснел:

— Неважно? Да что он — в самом деле?!

Майор-интендант в испуге отвел глаза. Генерал выпрямился:

— Уж коли мы его взяли в плен — придётся с ним повозиться. Как ни крути — он нынче важная персона, — и Александр Васильевич иронически развёл руками.

— У меня эта персона вот где сидит! — полковник Симонов, не сдержавшись, хлопнул себя по шее. Офицеры сочувственно вздохнули. Суворов с интересом глянул на негодующего коменданта, а тот, немного смягчившись, пояснил с усмешкой: — Год назад он сулился с меня, ваше превосходительство, голову снять! С меня, — тут полковник показал на одного из офицеров, — и с майора Крылова...

За столом повисло гнетущее, напряжённое молчание. Каждый из присутствующих вспомнил, что ещё несколько недель назад все они жили в непреходящем волнении и страхе за собственную судьбу и судьбу своих близких. Бунт, начавшийся в Яицком городке, мгновенно перекинулся в башкирские и калмыцкие степи, захватив Заволжье, маленькие крепости и крупные города. Остервенелый самозванец, набирая силу и хмелея от успехов, метался по городам и весям, как мечется буйное, всепожирающее пламя, безо всякого смысла и цели, а польхая только там, где тлеет порох и гуляет ветер. И комендант Симонов был в числе первых усмирителей этого бунта. Вот потому с беглым казаком Емельяном Пугачёвым у него велись особые счёты.

Сейчас, по происшествии достаточно долгого времени, можно было кое-что иначе оценить и переосмыслить, тем паче, что каждый русский человек крепок задним умом. А единожды пережитый страх уже не кажется таковым при воспоминании о нём. Но одного полковник Симонов не мог взять в толк, считая это просто промыслом божьим — почему безрассудный самозванец не взял сразу Яицкий городок, а кинулся к Оренбургу? Вот и знаменитый военачальник задал ему тот же вопрос:

— А при начале возмущения, господин полковник, у злодея было достаточно сил?

— Я полагаю, ваше превосходительство, — осторожно ответил комендант. Суворов пожал худенькими плечами:

— Так чего же он не решился взять вас штурмом? Поелику не очень разумно оставлять у себя в тылу вооруженного противника. Так и до беды недалеко.

Симонов кивнул:

— Я тоже так считаю.

Но тут вмешался майор Крылов:

— Я прошу прощения, ваше превосходительство. Но первый бой мы приняли за стенами крепости. По приказу господина полковника мы с майором Наумовым встретили мятежников в степи.

— То есть вы не сидели на месте, ожидая незнамо чего, — оживился Суворов, — А вышли навстречу злодею? Похвально!

Маврин переводил взгляд с генерала на офицеров. Александр Васильевич очутился в своей любимой стихии сражений, сразу заметно взбодрившись и повеселев. Комендант и его окружение охотно, но не слишком подробно стали отвечать на его пристрастные вопросы, поскольку даже при самом начале военных действий они наделали массу ошибок и промахов.

Майор Крылов, тогда будучи капитаном, выехав за стены крепости, не сделал ни единого выстрела — к ним навстречу прискакал казак, размахивая подмётным письмом самозванца. Крылов приказал арестовать его, но казаки, бывшие у него в подчинении, сразу воспротивились. Письмо было прочтено — и половина отряда мигом перешла на сторону мятежников. С остальными Крылов кое-как вернулся в крепость. А комендант Симонов в это самое время находился там же, опасаясь только одного —

как бы не возмутилось и не восстало население городка.

9

Позавтракав варёною полбой и выпив две кружки морковного чая, Пугачев полулежал на полу клетки. В наиболее удобной и необременительной позе — ни стоять, ни сидеть в обычном положении не представлялось возможным — мешала теснота и тяжесть оков. Узник спокойными, но цепкими и пронизывающими глазами наблюдал за своими стражами. По распоряжению генерала его охраняла другая четвёрка солдат. Преступник сразу отметил это и теперь терялся в догадках — случайно сие или преднамеренно?

После нескольких дней полного упадка духа и совершенного бессилия в нём опять затеплилась надежда. Нет, он не мечтал снова возродиться в облике свергнутого царя и закончить, наконец-таки, победоносную войну, утихомирив народ и щедро наградив своих сподвижников. Ему хотелось просто бежать и скрыться. Куда-нибудь за пределы родимого отечества — в Персию или Турцию.

Пугачёв вдруг вспомнил, что в самом начале возмущения он предлагал яицким казакам бежать в Турцию и даже божился, что на границе у него зарыто двести тысяч рублей, а по прибытии в Турцию один паша обязательно выдаст беглецам пять миллионов. Денег, разумеется, не было и в помине. Но Емельян так горячо и красноречиво убеждал казаков, что те едва не поддались на уговоры. Возможно, так оно бы и случилось, если бы не затяжная попойка на хуторе отставного казака Данилы Шелудякова, когда в хмельном угаре кто-то неожиданно прохрипел:

— Станичники! А може, стоит кинуться в Расею?

— На кой? Сказился! За каким бесом? Чтоб те повывлазило! — посыпались возмущённые выкрики. Однако слова были произнесены — дерзкие, ошеломляющие — и не так-то просто оказалось выбить их из сумасбродных, своевольных, хмельных голов.

Пугачёв множество раз пытался вспомнить эти роковые минуты, так круто изменившие его судьбу, и не мог сказать наверняка — кто и когда предложил разжечь бунт и объявить его чудом спасшимся царём?

Когда утихли негодующие вопли и была почата очередная четверть самогона, размягчённые и слегка остывшие казацьи головы решили, что в «Расею» отправиться, конечно, можно, только с чем и как? По слухам они знали, что в стране неспокойно — по центральному губерниям прошлась чума — кругом и всюду торчали военные заставы, так называемые «карантины», препятствовавшие свободе передвижения и волновавшие народ, не понимавший и не принимавший этих мер. Волновались башкиры и калмыки. Последние даже пытались покинуть пределы Российской империи и уйти в Китай.

Зачинщики бунта понимали: если они просто затеют очередной мятеж и, собрав достаточное количество сочувствующих, выставят правительству ряд требований, то даже при самом благоприятном стечении обстоятельств — затея обязательно провалится. Как провалились все предыдущие. А что будет потом — каждый это прочувствовал на собственной спине. И потому не хотел рисковать.

— Как-то, намедни, я слышал, — неуверенно сказал Данила, — што царь-то покойный живёхонек.

— И чаво? — спросил один из гостей. Хозяин хутора поскрёб в затылке:

— Сюды бы его. К намэ

Пугачёв, долго и красноречиво убеждавший казаков бежать за границу, выжидательно молчал. Мысль о том, что следует отправиться вглубь России и поднимать там бунт, не слишком вдохновляла его. Но слова о благополучно здравствующем царе зацепили заговорщиков. Им в этом виделся добрый знак.

— Кабы он был с нами — тоды бы вся Расея поднялась! — убеждённо воскликнул Иван Зарубин. Все собравшиеся согласно загудели.

Каждый из смутьянов был непоколебимо убеждён, что устранённый интригами придворных император Пётр Фёдорович, разумеется, жив-здоров и скрывается где-то у «верных людей». А вероломная царица-немка творит всяческую неправду и беззакония.

— С им бы мы поначалу с тутошних начальников шкуры спустили, — мечтательно предположил Тимоха Мясников, — а там бы и до Оренбургу с Москвой добрались!

Казаки оживлённо задвигались. У всех было свежо в памяти недавнее пришествие генерала Фреймана, от которого у многих ещё чесались бока. Вожделенные мечты о неминуемом, многократном отмщении жарко загорелись в душах у мужиков — сплошь полыхающие усадьбы, разграбленное добро, обесчещенные жёны и дочери. Жажда разрушения, крови, насилия ударяла им в головы и заволакивала глаза багровым туманом. Распаляя, подзадоривая один другого, они уже замыслили походы на Москву и Петербург, безжалостные расправы над сановниками и вельможами, вплоть

до самой царицы.

— А энту немку толстомясную, дрянь паскудную — на кол посадим — пушай издыхает в корчах! — неслись издевательские выкрики.

Крамола созрела вполне. Даже за эти подстрекательские, озлобленные речи всем, собравшимся на хуторе, грозили плети и каторга — и каждый понимал это. Емельян, дотоле злобно, остервенело ругавший царских приспешников и российские порядки, теперь угрюмо молчал. Ему не слишком хотелось оставлять мысль о побеге за границу. Возможный бунт его страшил.

— И на кой хрен нам сдалась твоя Турция? — будто подслушав его мрачные мысли, повернулся к Пугачёву Тимоха. — Кто нас тама ждёт?

— Мы же с имя воюем, — поддержал его Зарубин. — Обзовут нас лазутчиками — и башка долой!

— Верно! Правильно! — загомонили остальные. — В Русь надо кидаться! Её поды-мать! Эх, и погуляем, братцы!

Емельян не нашёлся с ответом, а заговорщики уже всю обсуждали детали грядущего всенародного возмущения. И всё у них выходило гладко, споро и удачно. Не хватало только самой малости — воскресшего царя Петра Фёдоровича.

— А може, тебя поставим, Иван? — обратились заговорщики к Зарубину. Тот отмахнулся:

— Да вы чего, мужики, в самом деле? Меня же тут кажная собака знает! С самого малолетства.

Взоры казаков сошлись на Мясникове, но Тимоха показал на упорно молчавшего Пугачёва.

— Вон Емелю ставьте. Он тута пришлый, — это прозвучало не слишком всерьёз, скорее, как поспешная отговорка, но смутьяны цепко ухватились за неё.

— А и вправду, Емеля, може, спыташь? — нетвердо подхватил Шелудяков. — Бог не выдаст, свинья не съест.

— А мы тобя поддержим! — с готовностью подхватил Зарубин, в душе радуясь тому, что ускользнул-таки от опасного предложения.

— И к туркам бежать тоды незачем! — обрадовался Денис Пьянов, один из самых давних знакомцев Пугачёва. — На Москве царём станешь! Не бойсь!

Емельян оторопело смотрел на всех собравшихся, хотя мгновение назад он уже почуствовал, куда клонится разговор.

— Да вы что, станичники, белены объелись? Меня — царём?! Крепко, видать, вам брага-то в головы шибанула...

— Ты говори — да не заговаривайся! — вспылil Мясников. — Мы про себя и про тебя как надо понимаем.

Пугачёв, смерив его с головы до ног своими странными глазами, ткнул себя в грудь твёрдым заскорузлым пальцем:

— Ну, погляди ты на меня — какой я царь? Горох, што ля?

И все заговорщики, как по команде, воззрились на своего собутыльника. В распоясанной, измятой рубахе, заношенных портах, в чувяках на босу ногу, с колтуном в волосах, а главное — с опухшим от пьянства лицом и выбитым в драке верхним зубом — пришелец с Дона менее всего походил на венценосную особу.

— Да мы, того, — осторожно развёл руками Мясников, — одежонку тебе какую надо справим. Ты не сумлевайся. Это мы зараз!

— Знамо дело! — загомонили остальные, — И кафтан, и шапку, и сапоги, в самом лучшем виде, добудем! И шашку с конём. Не тужи, Емеля!

Но Пугачёв не поддавался:

— Остыньте, запивохи! Рази дело-то в одеже? — он криво усмехнулся щербатым ртом, — Куды же мне с такой-то рожей?

В избе на минуту воцарилось обескураженное молчание. Заговорщики отводили друг от друга разочарованные, недовольные взгляды. Самый старший из казаков, Данило Шелудяков, сказал с укоризной:

— Ты, Емеля, это понапрасну. Зачем же так-то? Мужчина ты видный!

— Твоя правда! — обрадованно подхватил Мясников. — А ежели в баню сходишь да башку с бородой причешешь...

— Да рубаху атласную и кафтан из бархату!.. — мгновенно навалились все остальные, не дав Пугачёву открыть рта.

И опять пошли в ход щедрые обещания раздобыть самого резвого коня, дорогой кафтан, самую острую шашку. И даже ружьё заграничной работы. Но Пугачёв был неумолим.

— Шабаш! — хлопнул он по лавке крепкой ладонью. — Будя меня нахваливать и подарки разные сулить! Я вам не баба!

— Ах, не баба?! — взорвался Зарубин. — Ну тоды, Емеля, держись! — он облизал

пересохшие губы, буравя строптивца злыми, мстительными глазами. — Коли вдругорядь тебя станичное начальство схватит — вызволять не станем! Пушай тебе из спины ремни режут!

— Верно! Правильно! — в сердцах загудели заговорщики. Пугачёв опустил голову — это было уже кое-что.

Два месяца назад Иван Зарубин вместе с двумя казаками помог ему бежать из каменной тюрьмы в городе Казани, где Емельян содержался почти полгода. И схватили его здесь, близ Яицкого городка.

— Ты думаешь, Даниле-то дюже сладко тут тебя держать? — настырно вмешался Мясников. — На хрена ему знта канитель?

— И то правда, — негромко вздохнул Шелудяков. Пугачёв просипел с натугой:

— Чего я делать-то должен?

Заговорщики неуверенно переглянулись:

— Ты это... — начал Пьянов и осёкся. Данило Шелудяков подхватил, не торопясь:

— Покуда одежонку тебе сгношим. Да баньку затопим.

Емельян зло глянул на него:

— Заладила сорока Якова — банька да одежонка! А опосля? Ступай, мол, рвань, на дыбу?

Тут вмешался Зарубин:

— Ты погодь — не гони! Гляди-ка, прыткий какой! Тебе тут не блох ловить! Это дело крепко обмозговать надо. А как же?!

— Во-во! — обрадованно поддержал Тимоха Мясников. — Мы же не робята, чать, малые. Давай, мол, Емеля, — быть тебе царём! А дале — поступай как хошь. Куды это годится?

Эти, на первый взгляд, разумные и осторожные доводы слегка утихомирили Пугачёва. И — странное дело — сделали его заметно сговорчивей. Он уже более благожелательно смотрел на своих сообщников. А те облегчённо вздыхали.

— Царь-то с бородой был, али как? — критически глядя на всклокоченную физиономию Пугачёва, спросил Пьянов. Данило, как самый пожилой и уважаемый, ответил авторитетно:

— Ноне не токмо цари, все бары рыло скоблят. Так у них заведено.

— А он? — кивнул на Емельяна Пьянов. И не успел новоиспечённый помазанник божий перевести дух, вездесущий Зарубин опередил его:

— Пушай остаётся как есть... — и, заметив недоумённые взгляды сообщников, добавил, хитровато сощурясь: — Это он, мол, нарком бороду быдто бы отпустил, чтоб супостаты разные его не признали. Да не извели, в случае чего.

Данило Шелудяков восхищённо мотнул сивой головой:

— Ай, да Ванька! Вот это хват! Ишь, чего удумал!

Всем заговорщикам понравилась идея Зарубина, а ошеломлённый Емельян даже не успел собраться с силами, как вся эта шальная, вздорная, полупьяная карусель закрутила его. Остатки здравого смысла, естественного человеческого ощущения возможной опасности были без следа утоплены в разлитом море мутного, одуряющего самогона. А когда заговорщики опорожнили бутылку до дна — судьба беглого казака с Дона ни у кого не вызвала сомнений — теперь он именовался российским императором Петром Фёдоровичем, чудом спасшимся от козней продажных царских вельмож и распутной, бесстыжей жены. А Емельян всё почему-то колебался.

10

Чай был выпит и баранки съедены, но офицеры, во главе с Суворовым, всё ещё сидели за столом вокруг остывшего самовара. Александр Васильевич, пользуясь случаем, выспрашивал присутствующих о подробностях недавно усмирённого бунта и особенно о главном его герое.

— Когда он тут объявился? — обратился он к Симонову. Комендант ответил с некоторой заминкой:

— Года три тому. Убежал с Дону во время станичного сбора. Был в розыске — лошадей у кого-то украл, а вскоре к нам пожаловал.

— И сразу давай здешних казаков бунтовать, — поддержал начальника майор Крылов. Генерал быстро взглянул на него:

— Дерзок, однако! Или на что-то рассчитывал? Любопытно!

Полковник Симонов, не вдаваясь в подробности, продолжал докладывать:

— Мы его быстренько изловили и в тюрьму отправили. А через полгода он бежал и опять здесь появился.

— Ловок, бестия! — беззлобно рассмеялся Суворов и покачал головой, всколыхнув облачко редких, лёгких волос. — А покойным императором когда он назвался? И по какому случаю? Что это за блажь?

— О-о, ваше превосходительство, — угодливо улыбаясь, вклинился майор-интендант, — тут этих покойных императоров — пруд пруди! Вы верно изволили выразиться — прямая блажь!

Все присутствующие согласно закивали головами. Александр Васильевич взглянул на Маврина. Капитан сокрушённо вздохнул:

— Это правда. К сожалению — он четвёртый или пятый негодяй, назвавший себя именем покойного царя.

Суворов высоко поднял худенькие плечи, широко разведя выразительные, гибкие руки:

— Ай да матушка Россия! Или я, старый дурак, совсем от жизни отстал, воюя с этой проклятой Турцией, или здесь все с ума посходили?! — он криво усмехнулся. — Пятый, вы говорите?

Маврин скупо подтвердил:

— К сожалению.

Александр Васильевич шумно выдохнул и качнул головой. Выждав паузу, комендант Симонов сдержанно добавил:

— И, тем не менее, ваше превосходительство, ему поверили — и заварилась каша.

Сидящие за столом подавленно молчали. Суворов будто бы хотел возразить, но взглянул на поникшие головы офицеров и почти против воли сдержался.

— Даже сейчас, ваше превосходительство, многие верят, что этот беглый разбойник — покойный император, — желая смягчить тягостную обстановку, осторожно пояснил майор Крылов. Генерал пристально посмотрел на него. Крылов кашлянул и смолк. Но Симонов поддержал его:

— Вчера ко мне доставили лазутчика, ваше превосходительство. Мы его, конечно, — комендант усмехнулся, — взяли в оборот, и вот что выяснилось: башкиры с киргизами по степи кружат, шайки собирают. Говорят — царя надо выручать!

Генерал, едва-едва выслушав коменданта, оживлённо подхватил:

— Это, батенька, мне знакомо! — его узкое, сухое лицо собралось в мелкие, бесчисленные морщины. — Грех признаться, но что делать?!.. — Суворов размахисто перекрестился. — И мне пришлось именем злодея спастись... Ей-богу!

— Как так? — не утерпел майор-интендант.

Александр Васильевич обвёл присутствующих смешливыми голубыми глазами и прищёлкнул языком:

— А вот так! Едучи сюда, под Саратовом, окружает меня шайка бунтовщиков вместе с этими чёртовыми киргизами. Наставляют на меня ружья, вилы да копья — кто таков и куда едешь? А я сижу в почтовой тележке, с ямщиком да своим Прохором, — Суворов выразительно примолк. Молчали и офицеры, чувствуя всю драматичность и безысходность положения. Первым не выдержал майор-интендант:

— Под Саратовом?

— Под ним, батенька. И я им говорю: люди императора Петра Фёдоровича! Едем по делу государственной важности! — он демонстративно поднял кверху указательный палец. Собравшиеся заулыбались. А Суворов со вздохом завершил: — Такая вот, господа офицеры, оказия, помилуй Бог! Стыдно сказать, а что поделаешь? Зато — отпустили.

За столом воцарилось молчание. Комендант и его подчинённые, пережившие все ужасы и передраги всенародного возмущения и едва-едва воспрянувшие духом после поимки главного злодея, заметно поскущнели. Генерал это почувствовал.

— Кроме сего злосчастного самозванца, — он обвёл взглядом офицеров и остановился на Маврине, — другие преступники пойманы? Его сообщники главные.

— А как же! — с готовностью ответил тот. — Зарубин, Перфильев, Падуров, Шигаев, Торнов. В арестантской избе содержатся.

— Это ближайшие его подручные, — авторитетно подтвердил Симонов.

Александр Васильевич перевёл на него свои голубые глаза и задумался. Комендант в смущении замигал выгоревшими ресницами. Суворов сжал маленькие крепкие кулаки.

— Вот что, господин полковник! Выведите-ка всех этих мерзавцев на городскую площадь, — у всех присутствующих, включая Маврина, физиономии вытянулись. — И весь народ соберите, — не обращая внимания на настроение офицеров, точнее, вопреки ему, приказал генерал. Повисло тяжёлое, недоумённое молчание. Наконец, комендант решил прервать его:

— Когда? — спросил он траурно.

— Прямо сейчас! — прозвучало в ответ, и маленький прославленный военачальник решительно встал, кивнул сидящим пушком на бойкой голове и, прихрамывая, быстро пошёл вон из избы. Маврин молча двинулся следом. Офицеры обескураженно задвигались, гремя табуретами.

Капитан-поручик осторожно шагал за генералом, соблюдая принятую в подобных случаях дистанцию. И сокрушённо думая о том, что знаменитый полководец выкинул-таки давно ожидаемую курьёзную штуковину. Зачем ему, в самом деле, устраивать подобную демонстрацию? Если в городке есть верные сторонники злодея — а они здесь наверняка остались, и ещё просочились новые — то нелепый приказ генерала только усугубит и без того шаткое положение. Дерзкие сообщники самозванца сделают попытку его отбить. И даже если им это не удастся — результат будет не в пользу власть предержащих. Слухи и разговоры о бесстрашном поступке смельчаков перенесутся за стены крепости и вновь взбудоражат народ. Как знать — не найдутся ли более бесстрашные и удачливые негодяи, которые положат собственные жизни за освобождение самозванного царя?

— Господин капитан, — понизив голос, бросил через плечо генерал. Маврин прибавил шаг, наклоняясь к уху начальника. — Ни солдатам, ни, тем более, злодею — ни слова о том, куда и зачем мы его поведём! Это должно быть, — Суворов искося, снизу вверх посмотрел на капитана, — строго секретно и неожиданно. Вам ясно?

— Разумеется, — буркнул Маврин, хотя из всего сказанного генералом уловил только внушительный тон приказа.

11

Новая команда солдат, охранявшая Пугачёва, решила прибраться в избе, где содержался главный преступник. Сдвинув в углы стол и лавки, двое солдат взяли в руки веники и подняли такую пыль, что Емельян, лежащий на бараньем тулупе, был вынужден привстать, зажимая нос рукой.

— Служивые! Вы хоша бы пол сбрызнули али веники в воде смочили! — беззлобно прокричал он солдатам. Те, исподлобья взглянув на него, продолжали шваркать по некрашеным половицам гибкими берёзовыми ветками. Узник невесело пошутил: — Эх! Энтими бы вениками да вам пониже спины! Може, толк какой ни на есть был...

Через несколько минут, им самим стало нечем дышать, и один из солдат распахнул настежь тяжёлую дверь. Клубы пыли, светясь в лучах осеннего нежаркого солнца, щедро заструились через порог, а в избе запахло утренней свежестью. Пугачёв, гремя цепями, медленно опустился на пол и сквозь толстые прутья клетки с нескрываемым любопытством принялся наблюдать за жизнью во дворе. Там кругом торчали солдаты — чистили ружья и обмундирование, варили на костре кашу, рассказывали друг другу байки и балагурили. Но от пристального взгляда Емельяна не укрылось то, что все они, нет-нет, да и посматривали в сторону распахнутой двери. И в быстрых, мимолётных взглядах ощущалось напряжение и тревожный интерес. Узник удовлетворённо усмехнулся — подобное внимание к собственной особе всегда нравилось ему. С некоторых пор он любил внашуть окружающим непреодолимое волнение и суеверный трепет.

Разные соблазнительные и дерзновенные мысли мигом зашевелились в голове преступника, вплоть до фантастических планов о возможном побеге. Если бы сейчас ему удалось освободиться от оков и выйти во двор — всех собравшихся там охватило бы мгновенное оцепенение и беспредельный ужас. Пугачёв почти воочию увидел, как он неспешно выходит во двор, нарочито потягивается, расправляя плечи, небрежно окидывает замерших в безмерном волнении людей и зычно командует: «Коня мне! Живо!» Тройка солдат тут же бежит за конём. Ему мигом приводят статного, резвого жеребца под роскошным седлом и в дорогой сбруе. Он мельком окидывает свой арестантский, затрапезный наряд и громко усмехается: «Эх, не по седоку одёжа! Но ничего, раздобыли одно — добудем и другое!» И не успевают потрясённые солдаты открыть ртов, как бывший узник соколом взлетает в седло, ударяет пятками коня и вихрем вылетает за ворота...

Один из охранников захопнул глухую, плотную дверь. Пугачёв хотел возмущённо протестовать, вскинул правую руку и ощутил досадную тяжесть цепей. Обескураженно вздохнул, неуклюже опускаясь на слежавшуюся подстилку. Мечты о невероятном, молниеносном побеге развеялись, как облако пыли, поднятое полчаса тому назад. Емельяну сделалось непередаваемо тягостно и, до безразличия, пусто. И вдруг припомнилось, что почти то же самое он пережил несколько дней назад, когда со всех сторон бунтовщиков обложили царские войска, и у него осталась только слабая надежда пробиться к Каспию и бежать за границу...

Последний бой было решено принять под Царицыном. Пугачёвские войска расположились на холме между двумя дорогами, чтобы в случае неудачи ринуться по любой из них. Мятёжники все ещё храбрились, веря в неожиданный, сказочный успех, однако их предводитель нутром чувствовал, что удача отвернулась от него навсегда. С первыми лучам солнца прицельно ударили пушки полковника Михельсона — и нестройные толпы мятёжников сразу рассеялись и позорно бежали. Сам Пугачёв, с тридцатью казаками переплыв Волгу, бросился в степь.

Три недели подряд кружили они по оврагам и бездорожью, чудом ускользая от летучих полевых отрядов, наступавших со всех сторон. Силы бунтовщиков заметно редели, хотя за время бегства они не угодили даже под случайный выстрел, но предчувствие неминуемой, беспощадной расправы за все свои буйные, жестокие, бессмысленные деяния — смертельно пугало беглецов. И при всяком удобном случае они исчезали по одиночке. Вокруг Пугачёва оставалась только горстка самых близких сподвижников. Каждый из них понимал, что в случае добровольной сдачи рассчитывать на милость победителей не приходилось — за любым из них числилось столько безвинно пролитой крови, что уповать на прощение было бессмысленно. Оставалось одно — предательство.

А неутомимый самозванец упорно стремился к спасительному Каспию. И временами казалось, что само провидение упрямо охраняет его, поскольку на пути им не встречалось ни единого серьезного сопротивления. Но казакам, уже успевшим стовориться за спиною предводителя, вовсе не желалось пускаться в рискованное путешествие по чужим, неведомым землям, коль скоро им не повезло на своей собственной. И тут они решились на крайние меры. Тайными тропами беглецы пробрались на Узень — давнее заповедное место, где всегда укрывались беглые каторжники и раскольники. Пугачёв совсем упал духом, чувствуя себя загнанным волком, которого обложили со всех сторон. Да ещё в собственной стае созрела измена.

Подъехав к ветхой заброшенной избушке-скиту, где время от времени селились раскольничьи «старцы», казаки спешились, привязали коней. Самозванец, отворив скрипучую, рассыпшуюся дверь, первым вошёл в низкую тесную избу, поискал глазами икону. Лампада перед тёмным ликом Спаса, видимо, давно погасла. Емельян, перекрестившись, нашёл в углу небольшую бутылку с маслом. Сняв шашку, ружье и пистолет, повесил их на крюк у двери и стал осторожно заливать в лампаду масло. Заполнив почти до краёв невысокий узкогорлый кувшинчик, поправил тоненький обгорелый фитилёк, достал кресало и кремень, чтобы высечь огонь.

За этим занятием и застали его казаки, по одному просочившиеся в избу. Не перекрестив лбов, они застыли у порога, закрывая собою ружье и шашку, висевшие у низкой притолки. Запалив крохотный фитилёк, Емельян поставил лампаду на узкую полочку в углу перед квадратной иконкой. Вокруг головы вседержителя засветился тусклый золотой полукруг. Искоса взглянув на вошедших, Пугачёв, неслышно ступая по мягкому земляному полу, прошёл к оконцу, затянутому толстым бычьим пузырем, похожим на тусклое бельмо, устало присел на широкую, рассыпшуюся лавку. Сообщники не двигались. Несколько минут царил тяжёлое, непреодолимое молчание.

— Ну, чего надумали? — исподлобья глядя на казаков, угрюмо спросил самозванец. — Двинем на Каспий али как?

Заговорщики чуть заметно шевельнулись, и самый смелый и красноречивый из них — Падуров — ответил дерзко:

— Не всё ж нам ездить за тобой — пора и тебе ехать за нами! — и в словах его сквозь бахвальство и нахрап заметно прорезывался страх. Пугачёв опустил веки.

— Давно я чую вашу измену и подлость, — глухим, каким-то замогильным голосом произнёс он и резко встал. Заговорщики вздрогнули, отступив на шаг и хватаясь за сабли и пистолеты. — На государя свою руки подымаете! — устремив на них свои странные глаза, гаркнул Пугачёв. Нападавшие чуть смешались, но Падуров крикнул нервно:

— Да будет тебе, Емеля! Не дури!

По-бычьему наклонив голову, самозванец бросился к двери, пытаясь добраться до висевшего там оружия. Казаки скопом бросились на него, и пошла потеха.

— Живым! Живым берите! — вопил Падуров.

Клубок яростных тел метался по крохотной избе, переворачивая лавки и гулко стучаясь о стены. Замигал и погас огонёк лампы. Пугачёв сумел-таки сбросить всю шайку, навалившуюся на его плечи, словно свора бродячих псов. Минуты две они стояли, тяжело дыша и бросая на своего предводителя злобные, ненавидящие взгляды. Вдруг самозванец поднял обе руки, сложив их ладонями вместе, и протянул их в сторону своего любимца Творогова:

— На! Вяжи!

Творогов схватил его за правую руку, а в левую тут же вцепился Падуров, и оба они попытались загнуть своему главарю «салазки», то есть связать ему руки за спиною. Но Пугачёв невероятным усилием развёл крепкие локти и прохрипел укоризненно:

— Стойте, охальники! Рази я вам разбойник?! — и опять выставил кулаки перед собой.

Стараясь не встречаться с ним взглядами, бывшие сотоварищи скрутили своего понишшего жоака и посадили на лошадь. Емельяну сделалось пусто и безразлично. Круг замкнулся.

12

Войдя в избу, Суворов снял шляпу, привычно перекрестился и бодрым голосом приказал замершим по стойке «смирно» солдатам:

— Вольно, ребята! Злодея кормили?..

— Так точно, вашеество! Кашей! — хором ответили солдаты.

Генерал подошёл к клетке и с нескрываемым интересом уставился на преступника. Тот неохотно поднял от пола спутанную хмурую голову.

— Ты чего? Нешто захворал? — серьёзно, даже участливо спросил Александр Васильевич. Узник невесело усмехнулся:

— Пожалел волк кобылу... — и глухо брякнул оковами.

В голубых глазах Суворова мелькнули холодные огоньки:

— А это ты, любезный, зря! Насчёт волка-то. С больной головы да на здоровую! — генерал повернулся к солдатам, почти окоченевшим от дерзких слов узника. — Вынимайте злодея из клетки! Давайте, служивые!

Подстёгнутые приказом генерала солдаты, с трудом сбросив оцепенение, бросились к тесному деревянному сооружению, где содержался самозванец. Но, наткнувшись на недоумённый, вопрошающий взгляд Пугачёва, смешались, неловко топчась у дверцы и толкая друг дружку. Маврин, как всегда стоявший за спиной генерала и наблюдавший всю эту суетную, бестолковую возню, кривился от неловкости.

— Стой! Не напирай! — властно скомандовал Суворов. — Делай один. Вот ты, чернявый! — показал он на горбоносого черноусого солдата.

Дело пошло на лад. Узника проворно вывели из клетки. Генерал приказал подать тележку.

Пугачёв, всё ещё пребывая в подавленном, угнетённом состоянии, тем не менее, с тревогой размышлял — куда и зачем его ведут? Маврин тоже был невесел — генеральская затея с устройством публичной встречи всех главных преступников казалась ему горше полыни. А более всего его пугало то, что он нарушил приказ, данный ему графом Паниным — держать самозванца только в клетке и ни под каким видом не выпускать наружу.

Прикатила тележка. Пугачёв, гремя цепями, перешагнул порог. Солдаты, заполнившие двор, бросили все свои дела и, разинув рты, во все глаза смотрели на дерзкого бунтовщика, два года подряд потрясавшего основы государства. Следом за ним показался знаменитый полководец, вся слава которого враз померкла в присутствии звенящего оковами преступника. Потрясённые, немые, замороженные лица жадно глазели с таким неизбывным, всепоглощающим вниманием, что казалось — случись в сей момент потоп или землетрясение — никто не двинется с места.

И странное дело — ни одна чёрточка облика самозванца, ни одно, самое ничтожное его движение не ускользнуло от зачарованных взглядов — но день, и два, и месяц спустя — всего лишь немногие помнили его внешность. Так подействовало на них это неожиданное, ошеломляющее явление.

Солдаты из охраны помогли преступнику взобраться на тележку. Он осторожно, бережно подобрал цепи, как знатная дама подбирает подол пышного платья.

— Трогай! — скомандовал Суворов, и повозка с закоренелым лиходеем тряско покатила со двора. Солдаты неотрывно смотрели ей вслед.

— Стройся в колонну и шагом марш! — без промедления отчеканил генерал.

Кругом поднялась суматоха. Александр Васильевич кивнул головой Маврину. Оба они двинулись вслед за охраной, сопровождавшей преступника.

А изо всех дворов уже спешили люди. Вездесущие казачата, оседлав хворостины и мелькая босыми, исцарапанными пятками, понукая сами себя, неслись впереди взрослых. Старики и старухи, по раскольничьему обычаю одетые в чёрное, брели, опираясь на батожки, и, поминутно крестясь, бормотали молитвы. Пожилые казаки в высоких бараньих шапках шли по двое и по трое, степенно разговаривая между собой. Молодняк спешил гурьбою, беспечно лузгая семечки и весело смеясь. Но при виде повозки с арестантом все невольно замолкли и, подталкивая друг друга, как по команде, замедляли шаг.

Маврин шёл рядом с генералом, чувствуя, что от напряжения у него деревенеет шея и покрывается испариной лоб. По роду службы ему нередко приходилось присутствовать при экзекуциях, но сейчас он впервые почувствовал себя в положении человека, которого прогоняют сквозь строй.

— Табакерка у вас, батенька, далеко? — искоса взглянув на капитана, живо спросил Суворов. — Табачком не угостите?

Маврин от неожиданности вздрогнул и без слов полез в карман. Поспешно достал табакерку и на ходу протянул её генералу. Александр Васильевич круто остановился, не торопясь открыл черепаховую крышку, большим и указательным пальцем взял добрую щепоть мягкого, душистого содержимого и поднёс его к небольшому аккумуля

ратному носу. Маврин в удивлении не спускал с него глаз. Вдруг генеральское лицо искажилось — брови поползли вверх, лоб покрылся морщинами, щеки вытянулись, приоткрылся тонкогубый рот.

— Ох, добрый та... — хотел воскликнуть знаменитый полководец и тут же звонко, заразительно чихнул, попытался привести рот в нормальное положение и опять чихнул подряд два раза, безнадежно махнув рукой. Капитан осторожно улыбнулся. — Добрый табак! — удовлетворённо сказал генерал, вытираясь платком и возвращая Маврину табакерку. — Нежинский?

— Нет. Rare, — кратко ответил капитан. Суворов в изумлении поднял брови и решительно зашагал вперед. Его спутник, секунду поколебавшись, сунул табакерку в карман и тоже поспешил следом. Но теперь ему сделалось значительно легче.

А возок с закованным в цепи самозванцем, дребезжа и подпрыгивая, выкатился на майдан — главную городскую площадь. Комендант чётко выполнил приказ — площадь кишела народом. Ближайшие сподвижники Пугачёва, тоже в ручных и ножных кандалах, но пешие, стояли в кольце солдат и угрюмо молчали. Вокруг толпились казаки и казачки, которых пригнали сюда не только приказ начальства и собственное любопытство, а ещё и множество всяких других причин, в большинстве из которых было трудно разобраться.

Увидев воочию всех главных зачинщиков бунта — оборванных, грязных, увешанных оковами, потерянных и угрюмых — жители городка замерли в оцепенении. Даже малые дети, безо всяких окриков и шлепков, дружно закрыли рты, испуганно озираясь по сторонам. Капитан Маврин, увидев эту картину всеобщего, глубочайшего потрясения, вдруг почувствовал, что он перестаёт быть самим собой, превращаясь в какую-то малую, едва ощутимую частицу безмерного ужаса и оцепенения.

Большинство из собравшихся знали преступников не только по именам, но и пили с ними водку, гуляли с девками, ссорились и дрались, считались кумовством и состояли в довольно близком родстве или жили по соседству. А теперь их кумовья, сваты, девери, шурины, братья и шабры стояли, позванивая цепями, ожидая лютой, устрашающей казни.

— Кто сей человек? — в гулкой, звенящей тишине резко прозвучал высокий, чуть напряжённый голос.

Маврин даже не сразу сообразил — из чьих уст он прозвучал? Но глаза его, мимо воли, остановились на Суворове. Александр Васильевич — маленький и худой, в зелёном мундирчике нараспашку и сбитой на затылок шляпе — показывал тонким пальцем на сидящего в телеге самозванца, напоминая всей своей небольшой, сутуловатой фигурой туго взведённый курок. Казалось, ещё одно мгновение — и прозвучит выстрел.

— Емелька Пугачёв, беглый казак с Дону... — раздался сипловатый, невнятный бас из кучки оборванных кандалников, но тишина кругом стояла такая, что слышен был шестест ветра в соломенных крышах.

Самозванец вздрогнул и поднял спутанную голову. В толпе пронёсся тревожный шепоток, многие женщины в страхе осенили себя крестным знамением. Необычные глаза преступника загорелись жгучими, мстительными огоньками:

— Вона чего загутарили! — Емельян едко усмехнулся. — Беглый казак с Дону... Ай да ну!.. — его бывшие сподвижники не поднимали глаз. Пугачёв, гремя цепями, воздел руки к груди, ухватившись сильными пальцами за распахнутый ворот рубахи: — А хто меня уламывал да улещал неделю цельную? — он обвёл укороизненным взглядом своих заединчиков: высокого, рябого Перфильева, коренастого Зарубина, рыжебородого Торнова... — Ништо, Емеля, быть тебе царём! — его улыбка стала горькой и язвительной. — Соглашайся, мол, мы за тебя горой! Ни в жисть не выдадим!

— Ах ты, Господи, царица небесная! — довольно внятно прошептала какая-то старуха, толком не понимавшая, что происходит, но тронутая до глубины души. Пугачёв безвольно уронил руки, и цепи на нём траурно забренчали.

— А не хотел я, видит Бог, не хотел! — в голосе его послышались слёзы. — А всё вы — ироды окаянные! Аспиды ненасытные! Царём будешь на Москве! — он опустил голову на грудь.

Маврин вдруг почувствовал, что в груди у него защемило. Он мельком посмотрел на Суворова и заметил, что у Александра Васильевича дрожит веко. И каждое слово, даже вздох самозванца бередают сердца слушающих его. Это были те редкие, исключительные минуты, когда все собравшиеся в едином месте, без различия пола, звания и возраста, всё одинаково, видели и чувствовали. И у всех было единое ощущение, что на их глаза совершается нечто ужасное, трагическое и безысходное.

— Ах вы, иуды проклятые! — исподлобья взглянув на сообщников, процедил Пугачёв, — Сговорили, уломали, упоили — и опосля скрутили, как последнего голоштанника! Моей головой хотите животы свои выкупить? И всё на мою шею свалить?! —

грудь самозванца высоко поднималась от горького, праведного гнева и едва сдерживаемых рыданий. — А кто меня подстрекал да подталкивал — жги, мол, стреляй да вешай?!

Бывшие сотоварищи — бледные, растерянные, жалкие — старательно отводили взгляды. Каждый из них смертельно боялся, что Пугачёв назовет его имя и тем самым безмерно увеличит и без того тяжкую вину любого.

— А за моей спиной вы чего творили? Душегубы, кровопийцы ненасытные! А опосля всё на меня валили... — в груди его клокотали рыдания.

По щекам женщин катились щедрые слезы. Казаки, многие из которых тоже участвовали в мятеже или явно благоволили к бунтовщикам, понуро склонили головы. Нет, они не сочувствовали самозванцу и не осуждали его, понимая, что тот говорит одну только чистую правду, и эта правда бередит всё у них внутри.

Маврин тоже почувствовал, как у него сделалось мокро внизу подбородка, и, вскользь проведя рукою по щеке, капитан намочил себе пальцы. Он быстро и неловко полез за платком, случайно покосившись на генерала. Суворов, ссутулив узкие плечи и чуть отставив увечную ногу, стоял, уцепившись обеими руками за рукоять шпаги. Седеющая, буйная голова его тихо склонилась, а в уголках глаз искрились пронзительные, светлые точки.

13

Когда всех преступников развели по арестантским избам и городская площадь опустела, Маврин, пользуясь всеобщим расстройством и разбродом, незаметно ускользнул прочь от генерала. Ему почему-то захотелось побыть в одиночестве.

Яицкий городок с его неказистыми, незатейливыми домишками, крытыми прелой, слежавшейся соломой, со скудными огородами, в которых ещё кое-где сиротливо торчали согбенные остовы подсолнухов с тёмными, сбитыми набекрень шляпами, и узкими, грязными улочками — отнюдь не радовал глаз. Казалось, что его обитатели поселились тут ненадолго, без особой радости и старания срубив эти неудобные избёнки, только затем, чтобы кое-как укрыться от непогоды, погреться, если надо — перезимовать и вновь отправиться неведомо куда.

По глинистой, вязкой, не просыхающей земле бесстрашно носились босые ноги шустрой детворы, уже затеявшей вечную игру в «казаки-разбойники», обогащенную только что увиденными и пережитыми событиями. А люди постарше — мужчины и женщины — подавленно разбрелись по домам, чтобы забраться в угол или влезть на печь и, закрыв глаза, думать бог весть о чем.

Капитан, стараясь не испачкать сапог, неспешно прошёлся по нечистым улочкам, ловя себя на мысли, что этот небольшой, заштатный городишко совсем не походил на грозное гнездо зачинщиков беспримерного бунта. И одинокие фигуры, кой-где мелькавшие во дворах, совсем не казались соловьями-разбойниками.

Почти сразу за околицей начинался крутой, обрывистый берег Яика. Маврин пошёл к краю и посмотрел вниз. Быстрые, мутные волны проворно лизали скользкий, глинистый склон. Множество лодок — тёмных, просмолённых — было вытащено наполовину из воды, и в некоторых копошились согбенные фигуры рыбаков. Капитан знал, что ловля рыбы являлась едва ли не главным занятием местных жителей, и все основные, драматические события происходили во время осенних рыбалок. Здесь их называли «плавнями». Вот и Пугачёв впервые появился в обличье покойного царя Петра III в канун «плавни».

Тут мысли капитана-поручика невольно обратились к недавнему эпизоду с преступниками на городской площади. И он не мог не признать себе, что сумасбродная затея Суворова блестяще осуществилась. Теперь ни у кого наверняка не возникнет мысли и желания riskовать собственной жизнью ради освобождения жалкого, раздавленного судьбою самозванца. Он вспомнил его бледное, искажённое судорогой лицо, срывающийся, рыдающий голос, укоризненные, искренние, гневные слова, брошенные в лица сообщников...

Смачное чавканье босых подошв донеслось до его слуха. Маврин повернул голову. Снизу, от самой кромки воды, чуть наклонившись вперед, неспешно поднимался небольшой коренастый человек в старом распахнутом кафтане. На плече он нёс скрученный бредень, а в левой руке держал плетушку с рыбой. Босые, перепачканные глиной ноги уверенно и ловко одолевали косогор.

— Ну что, много рыбы наловил? — встретил его вопросом Маврин, когда голова рыбака показалась из-за бугра.

Пожилой казак, почти старик с седой, разлохмаченной бородой, широкими скулами и серыми, чуть раскосыми глазами зорко взглянул на капитана, ответив уклончиво:

— Трошки есть. Окунишки да ершишки. На ушицу будеть, — он тряхнул плетушкой, и там, в траве, звонко шлёпнулись друг о друга скользкие рыбы тела. Запахло

сыростью и тиной.

— Тесно им там, наверно, — безотчетно спросил капитан. Старик снисходительно усмехнулся:

— Да не вольготней, поди-ка, чем тутошним смутьянам.

Маврин как-то сразу догадался, кого имеет в виду пожилой казак. Он с интересом всмотрелся в него и ответил тоже иносказательно:

— Кто ж им виноват? Назвался груздем — полезай в кузов.

Старик нетерпеливо переступил с ноги на ногу и поправил бредень на плече:

— И-и, барин! Рази энто грузди? Так — одне поганки! Грузди-то давно тю-тю! — он присвистнул шербатым ртом, и свист получился фальшивый, издевательский. Капитан невольно отступил, переспросив изумленно:

— Как это так?

— А вот как хошь, так и понимай, — казак тряхнул кустистой бородой. — Петра-то Фёдоровича опять верные люди скрыли, а энтого дурака да бражника Емельку Пугача выдали властям здешним, — он произнес это настолько убежденно и доверительно, что у Маврина на секунду закралось подозрение.

— А разве не Пугачёв выдавал себя за покойного государя? — с сомнением воскликнул он. Старик посмотрел на него, как на малого ребёнка:

— Побойся Бога, барин! Пётр-то Фёдорович живёхонек и здоровёхонек, — казак хотел перекреститься, да помешал бредень, зажатый в правой руке. — Укрылся опять у верных людей. Живёт себе, не тужит, — старик всё-таки опустил бредень на землю и проворно осенил себя крестом. — Дай Бог ему здоровья!

Маврин спросил как бы между прочим:

— А ты видел его?

— Царя-то? — казак приосанился и стал повыше ростом, преисполнившись уважения к самому себе. — А как же! Даже на свадьбе у его гулял! Када он женился на Усте-то Кузнецовой.

Капитан с трудом удерживал улыбку, задав очередной каверзный вопрос:

— А как же он женился во второй раз при живой государыне? Ведь это грех!

Пожилой казак заметно поскущел, с минуту размышлял, сощурился и без того узкие глаза, потом ответил недобро:

— Не нашего это, барин, ума дело. Она, вить, тоже сжить его со свету хотела. Немка-то подлая. Чудом, бают, уберётся. Что же ему таперя всю жисть в схимниках ходить? Он, чать, не монах!

Капитан не нашёлся с ответом, и, хотя, речи старого казака дышали явной крамолой, привлечь его к ответу вряд ли имело смысл. Маврин сделал отчаянную попытку:

— Выходит, по твоим словам, что государь Петр Фёдорович и беглый казак Емелька Пугачёв — не одно и то же лицо? Ведь так?

— Вестимо, нет! — твёрдо кивнул старик. Капитан изумленно окинул его с головы до ног, подумал и вздохнул:

— Ну, предположим, у царя ты гулял на свадьбе, а пленного Пугачёва видел?

— А как же! — казак встряхнулся. — Када его комендант с сотником по улицам водили — кажная собака его видала. Вот те крест!

Маврин сразу подхватил:

— А сегодня, когда их всех на площадь вывели — ты там был?

Старик пожал широкими плечами:

— Дак я рыбалил. Вона сколько рыбы-то поймал! — он тряхнул полной плетушкой.

— И на кой мне эти висельники? У нас их тута — пруд пруди. Кажный год воду мутят.

Маврин не сразу собрался с мыслями. Этот короткий разговор с пожилым рыбаком, казалось, смешал все карты. И не успел он приготовить последний вопрос — казак уложил бредень на плечо, сплюнул себе под ноги и бросил хмуро:

— Одначе, барин, надо мне поспешать. Загугарились мы чегой-то с тобой, спаси тя Христос! — он резко отвернул в сторону.

Капитан обескураженно кивнул в ответ, невольно проводив взглядом невысокую, уверенно удаляющуюся фигуру немолодого казака.

В голове его царила полная сумятица. Чего-чего, а подобного, как было принято говорить — кунштюка — он никак не ожидал. При самом безудержном полёте фантазии можно, конечно, предположить всякое, но считать, что пойманный преступник Емельян Пугачёв вовсе не тот дерзкий самозванец — это не лезло ни в какие ворота.

— Эй, станичник! — не выдержав, прокричал Маврин вслед казаку. Тот вздрогнул и остановился, неловко повернув седую голову. — Ты на свадьбе-то, — капитан чуть запнулся, — жениха хорошо разглядел?

— Ещё ба! — старик высоко задрал косматую бороду. — Вот как тебя, барин. Куды уж лучше?!

— Ладно. Ступай, — безнадежно махнул рукою Маврин. Впрочем, иного ответа он

и не ожидал.

Но самым загадочным казалось то, что пожилой казак, видимо, искренне верил или хотел верить в сказочное воскресение покойного императора, в невероятную, почти шутовскую свадьбу, на которой ему довелось быть гостем, и даже в таинственное исчезновение неуловимого царя. Капитан вытащил платок и вытер пот, обильно высыпавший на лбу.

Снизу, от реки, поднималась ещё тройка рыбаков, негромко разговаривая между собой. Маврин круто развернулся, словно испугавшись, что может услышать ещё одну, совсем уж умопомрачительную историю — и быстро зашагал прочь.

14

В гарнизонной избе царили покой и умиротворение. Все бывшие там офицеры во главе с полковником Симоновым расточали похвалы знаменитому генералу, так неожиданно, умело и круто пресекающему все возможные попытки очередной смуты. Александр Васильевич удовлетворённо улыбался, иногда грубовато отшучиваясь.

Когда Маврин осторожно открыл плотную дверь, стараясь не обращать на себя особого внимания, Суворов тут же задержал на нём свои ясные голубые глаза:

— Ну что, господин капитан, будем готовиться к отъезду?

Маврин вытянул руки по швам:

— Как прикажете, ваше превосходительство!

Генерал перевёл быстрый взгляд на коменданта крепости:

— Итак, господин полковник, мы выступаем завтра рано поутру. С восходом солнца, даст Бог, — Суворов привычно перекрестился. — Готовьте две пушки. Команду солдат. Провиант, разумеется.

На лицах Симонова и его офицеров появилось озабоченное, чересчур строгое выражение, которое, тем не менее, не сумело скрыть долгожданной радости и облегчения. Наконец-то из их городка, а точнее — с глаз долой — убирается этот жуткий бунтовщик-самозванец, столько времени отравлявший всем жизнь!

Внимательно, преданно глядя на генерала, отдававшего продуманные, чёткие распоряжения, все присутствующие не могли не подивиться тому, как глубоко и быстро проник он в суть дела.

— А я вам, ваше превосходительство, медку припас! — искательно улыбаясь, вернулся майор-интендант. — И воблы вяленой. Хороша рыбка — прямо-таки янтарная!

— А про злодея-то не забыли, помилуй Бог? — усмехнулся генерал. — Он ведь у нас привередлив.

И все собравшиеся снисходительно заулыбались, с нетерпением ожидая, что тяжкая ноша вот-вот свалится с их плеч. Только один капитан Маврин стоял с постным, траурным лицом и не принимал участия в общем оживлении. Суворов мельком взглянул на него, однако не стал задавать неожиданных вопросов.

— И остаётся, господа, уповать на промысел Божий, — генерал неспешно перекрестился. — И помолиться великомученицам Вере, Надежде, Любви и матери их Софье. Сегодня их святой день. Да помогут они всем страждущим и обременённым! — офицеры, в подражание генералу, охотно перекрестившись, с готовностью отправились выполнять его приказы. Суворов и Маврин остались наедине. — Садитесь, голубчик! — благосклонно кивнул Александр Васильевич. — Нам тоже многое предстоит обсудить, — капитан медленно опустился на лавку, подавляя невольный вздох. Это не укрылось от быстрых глаз генерала: — Что? Опять какая-нибудь канитель?

Маврин пожал плечами:

— Да как вам сказать, ваше превосходительство.

— А как есть, так и доложите! — эта энергичная, прямая фраза развязала капитану руки и язык:

— Полчаса назад, ваше превосходительство, я имел весьма странный разговор с одним пожилым казаком... — тут Маврин запнулся.

— Ну-ну! — подстегнул генерал.

— Как бы это поточнее выразиться, — капитан сделал героическое усилие над собой, — В общем, кое-кто в здешнем городке считает, что мы взяли в плен вовсе не самозванного государя.

— А кого? — недоумённо спросил Суворов.

— Вора и пьяницу Емельку Пугачёва.

В светлых глазах полководца мелькнуло нечто, позволившее Маврину подумать, что собеседник на секунду усомнился в благополучии его рассудка.

— То есть, я хочу сказать... — капитан замялся, подыскивая нужное объяснение.

— Ну, словом, они считают, что главный бунтовщик был настоящим императором, который снова скрылся. А вместо него нам подсунули какого-то негодяя, — он криво усмехнулся, сокрушённо разведя руками.

Александр Васильевич, вмиг посерьёзнев, опустил голову. С минуту оба сосредоточенно молчали.

— Какой там по счёту государь наш кандалник? — бесстрастно осведомился Суворов.

— Пятый, кажется, — с готовностью бросил Маврин, вспомнив, что уже однажды отвечал на такой же вопрос. И генерал это помнил, продолжая в ироническом раздумье:

— Так чего же вы хотите, голубчик? Чтобы на пятом негодяе всё вдруг остановилось? — в его голосе появились озорные, издевательские нотки. — Нет уж, дудки! Теперь этих царей они станут печь как блины. С пылу, с жару — по пятаку за пару! — и Суворов, лихо переверачивая ладони, стал звонко шлёпать одной о другую. А в голосе его прозвучало что-то ёрническое, скоморошьё. Маврин, принужденно улынувшись, робко возразил:

— Да неужто они это делают намеренно?

С лица Александра Васильевича сошла шутовская, издевательская усмешка. Он с минуту подумал и сказал убежденно:

— Нет, голубчик. Помилуй Бог! К великому несчастью для нашего отечества, всё это происходит по истинному убеждению, — генерал сокрушённо вздохнул. — Наш народ, по странной прихоти, не различает, где явь, а где — пустые, вздорные фантазии. Больше того — в фантазии он верит с невероятной охотой — дай только повод!

— Вот и казак *так* убеждал меня, что мне подумалось — не сплю ли я? — с готовностью поддержал генерала Маврин. Суворов покачал головой:

— Вот-вот! А посему и осуждать таких авантюристов, вроде нашего злодея, будто бы не за что! Не он, так другой на эту роль отыщется. Токмо было бы желание!

Увлечённый ходом разговора и доверительным, искренним тоном генерала, Маврин задал слишком смелый, почти бестактный вопрос:

— Простите, ваше превосходительство, но мне показалось, что вы его пожалели?

— Кого? Емелю?

Капитан кивнул:

— Да. Там, на площади.

Суворов ответил, не колеблясь:

— Как христианин христианина. Даже убийцу и раскольника. Но всё в руке божьей...

— Мне тоже стало его жаль, — неожиданно для самого себя признался Маврин.

— Но как вспомню все эти жуткие, кровавые злодейства! Полковника Елагина... — Александр Васильевич вопросительно взглянул на собеседника. Капитан сочувственно пояснил: — С него эти мерзавцы живьём сняли кожу и мазали его салом сапоги...

— Суворов брезгливо поморщился. — А случай с астрономом Ловицем? — Маврин перевёл дыхание, нахмурился. — Его Пугачёв настиг в заволжской степи, скрутил и спрашивает: кто таков? Тот отвечает: изучаю ход небесных светил. И тогда злодей приказывает: повесьте его поближе к звёздам. И астронома вздёрнули.

— Однако! — недобро усмехнулся Александр Васильевич. — Он ещё и остроумец!

— Как видите! — горячо подхватил капитан. — И поневоле думаешь — можно ли такому извергу сострадать?!

Генерал искоса посмотрел на собеседника пронзительными, ясными глазами. Потом опустил голову и безотчётно погладил худыми, нервными руками свои острые колени.

— Так уж случилось, — произнёс он негромко, — что несколько лет подряд я воюю с этими чёртовыми турками, а что творится дома, в России, знаю только понаслышке. И сказать по правде — не слишком хорошо во всём этом разбираюсь. А посему, голубчик, не осудите меня за наивный вопрос: чего они хотят?

— Здешные бунтовщики?

Маврин и сам множество раз задавал себе подобный вопрос, и ответ на него выходил крайне сложный, запутанный и неоднозначный. А встретив пытливый, настойчивый взгляд знаменитого полководца, капитан смешался и опустил голову, чувствуя себя нерадивым учеником, плохо подготовившим урок.

— Коли им не нравятся, — пришёл ему на выручку генерал, — все меры правительства по обустройству казачьего войска...

— Вот именно! — с готовностью поддакнул собеседник.

— Так надо полагать, что всё это было возможно уладить тут, на месте. Для чего же всю Россию бунтовать? Вмешивать сюда и башкирцев, и татар, и киргизов?.. — Суворов недоумённо развел руками. Капитан, наконец, собрался с мыслями:

— В том-то и дело, ваше превосходительство, что здешные смутьяны только одним и озабочены — как бы раздуть пожар посильнее да пострашнее... — Суворов укоризненно качнул седеющей головой. — Наш главный злодей, — присовокупил Маврин,

— не однажды горько сокрушался — улица-де моя тесна!..

— То есть — негде молодцу разгуляться? — неожиданно подхватил генерал. — Надо затеять свару и переполох на всю Ивановскую? Чтоб всем чертям тошно стало... — Видимо.

Оба замолчали, мысленно представив последствия возможного исхода событий — случись нечто подобное...

— Ну, предположим... — махнул рукою Суворов, как бы восклицая: «гори всё синим пламенем!» — и сразу спросил: — А что потом? — Маврин пожал плечами. Но Александра Васильевича, как военного человека, не устраивал этот неопределённый жест. И он предпочел поразмыслить вслух: — После любого столкновения, будь то мятеж, либо война — наступает мир и порядок, ведь так? — тут знаменитый полководец, памятуя о том, что сейчас он подталкивает себя и собеседника на заведомо скользкий, крамольный путь, заговорил обиняками: — Ежели попытаться представить себе невероятное — *им* удалось одержать верх — что же будет потом? Каков порядок *они* предложат? И что станет с побеждёнными?

Маврин ответил, почти не раздумывая:

— Этот порядок у *них* уже был. С любым провинившимся они поступали на один манер — в куль да в воду!

— М-да... Весьма приятная участь всех нас бы ожидала, помилуй Бог! — покрутил голову генерал. — Правду ведь говорят: простота — она хуже воровства. А куда как просто эти негодяи хотели всех к одному знаменателю привести! Поражаюсь.

Собеседники на некоторое время замолчали. Каждый из них продолжал мысленно разговор, поскольку тема эта беспокоила обоих одинаково. Только смотрели на неё они по-разному. Маврина, как члена следственной комиссии, больше занимали истоки и последствия страшного мятежа, а также роль главных его зачинщиков. Александра же Васильевича волновал даже не житейский, а скорее философский подтекст всего случившегося.

— Помнится, в Древнем Риме, — первым нарушил паузу Суворов, — однажды восстали земледельцы и рабы. Усмирять их отправился не отряд легионеров, а один-единственный человек, сенатор Марк Катон. Вот приехал он к бунтовщикам, сошёл с повозки и поднял руку, — генерал вскинул худую узкую ладонь. — Крестьяне видят: человек пожилой, солидный. Далеко не трус — коль скоро один явился. Притихли. А Катон им и говорит: «Любое государство и Рим в том числе — похоже на человеческое тело. Сенат — это его голова, армия — его руки, земледельцы — его ноги. Вы согласны?» Те согласились, — тут Суворов хитро сощурился, собрав в складки острое, тонкокожее лицо. — «А теперь представьте себе на минуту, что бы случилось, если бы наши ноги взбунтовались против головы?..»

Капитан Маврин весьма поверхностно знал древнюю историю, и потому рассказ генерала вызвал у него живейший интерес.

— И что же они ему ответили? — прервал он паузу. Суворов озорно заблестел глазами:

— Что сие попросту невозможно. И тогда Катон стал их увещевать: «Я говорю с вами от имени главы римского государства — успокойтесь и мирно разойдитесь по домам!»

— А они?

— Разошлись.

Маврин недоверчиво покосился на него и бросил с грустной улыбкой:

— Едва ли у нас возможно такое.

15

Среди солдат, охранявших главного арестанта, была заметна явная перемена в настроении: они уже не смотрели на своего подопечного с робостью и опаской. В их голосах, движениях и взглядах не сквозила нервозность и безотчётный страх. Пугачёв, лёжа почти без движения на полу тесной клетки, не издавал ни звука. Вниз лицом, спиной к стражам, не желая никого видеть и слышать. Недавняя сцена на площади до дна опустошила его душу. И в ней, кажется, не осталось ничего — ни жажды отмщения, ни боли, ни обиды, ни раскаяния, ни даже отчаяния. Там царила гулкая, беспредельная пустота.

— Караул-то менять скоро будут? — буднично спросил кто-то из солдат.

— Как енерал прикажет, — просто ответили ему.

— Который?

— Да энтот. Суворов, — и в голосе говорившего прозвучала некая торжественность. В избе на минуту повисло значительное, сосредоточенное молчание.

— А правда, братцы, что он самого турецкого салтана в плен взял? — полюбопытствовал молодой, ломкий тенорок.

— Эко, куда хватил! — тут же урезонили его остальные. — Тоды война бы сразу кончилась! А до конца-то ещё ого-го!

И солдаты наперебой принялись рассуждать о перипетиях русско-турецкой войны, подробности которой они, краем уха, слышали из уст своих офицеров, из рассказов увечных инвалидов, вернувшихся с поля сражения, дополняя их собственной, безудержной фантазией, свойственной каждому русскому человеку.

— Слышал я, братцы, — с завлекательными, интригующими нотками начал пожилой солдат, — что у турков есть особые команды. Мужиков туды берут крепких, здоровых. И чтобы ночью всё видеть могли. Как кошки.

— Да ты што?! А на кой? — тревожно переспросил молодой охранник, но на него зашикали.

— Называются — анычары. И ползают они, что твоя ящерка, — тут рассказчик намеренно сделал паузу, чтобы слушатели могли представить себе этих диковинных турецких вояк. — Берут они в зубы такие громадные, кривые ножи... — для наглядности он широко развёл ладони, и опять молодой солдат не выдержал:

— Почто в зубы-то? — в голосе его прозвучал суеверный страх.

— А чтоб рук не занимать, — авторитетно пояснил рассказчик и продолжил с расстановкой: — И вот, стало быть, наступает тёмная ночь. Ни месяца тебе, ни звёзд. А они, с этими самыми ножами, ползут к нашим постам. Тихо ползут. Веточка не хрустнет, камешек не ворохнётся. А наши, сидя подле огня, знай себе греются...

Каждый из слушающих представил себе знакомую картину солдатской жизни: яркое, рыжее пламя бивачного костра, сноп искр, улетающих к чёрному, безлунному небу и согбенные фигуры солдат, протягивающих к огню тёмные, иззябшие руки.

— И чаво? — не выдержал новобранец. Рассказчик охотно подхватил:

— А турки на их кидаются, на солдатиков-то бедных, и ножами по горлу чик! — он шваркнул себя по шее ребром широкой ладони. Молодой солдат побледнел и перекрестился. Остальные сосредоточенно молчали.

Им, бывшим крепостным крестьянам, не слишком, конечно же, нравилось тянуть нелёгкую солдатскую ляжку. Военная служба угнетала их не своей излишней суровостью, тяготами и лишениями — всего этого хватало и в прошлой, крестьянской жизни. Пугали неизвестность и неожиданные перемены. Дома, в деревне, всё было просто, ясно и знакомо от рождения. Семья, соседи, привычный вековой уклад отношений и всего, что окружало любого из них. Если ты чтить старших, упорно и терпеливо трудись на земле, не перечишь своему господину, то жизнь твоя не станет лёгкой, а будет ровной и предсказуемой. Солдатчина же напрочь выбивала всякого из привычной колеи. И теперь, слушая рассказ своего товарища, каждый представлял себя на месте этих безжалостно зарезанных солдат и внутренне содрогался. Утешало одно, что происходило это где-то далеко, на чужой, неведомой земле и с кем-то другим.

— Може, их скоро победят? Турков этих, — как-то неуверенно, даже жалобно предположил молодой солдатик. Один из товарищей поддержал его:

— Надо думать, — и прибавил, чуть понизив голос: — Коли сам Суворов сюды приехал — значит, туркам скоро могила. Значит, тута главней.

И все присутствующие сразу поняли, что имел, точнее — кого имел в виду говоривший. Взгляды всей четверки, как по команде, уткнулись в спину узника. Они вдруг вспомнили то, что происходило внизу, на площади, и в избе воцарилась согласная, тревожная тишина. Гневные, злые, укоряющие слова преступника, его устрашающий облик, пронизывающий взгляд странных глаз и та громкая и грозная слава, которая шла и по пятам, и впереди него — делали своё дело. Они не то чтобы ему не верили, а старались не думать о том, *кто* их молчаливый узник.

Поскольку в России никогда не существовало тайн и секретов, то большинство знало о тёмной и запутанной истории восшествия на престол нынешней матушки-императрицы. И о скоропостижной, туманной кончине её супруга многие тоже были достаточно осведомлены. Верили — и не верили в неё. А если этот странный человек выдаёт себя за чудом спасшегося царя, то почему они должны это напрочь отрицать? Тем паче, что пленить его явился сам Суворов? Со свойственной всем русским людям способностью мыслить кудреватой и непоследовательно — солдаты, охранявшие преступника, в любой момент были готовы породить ещё одну или даже несколько легенд о своём арестанте.

А Пугачёв лежал, не поднимая головы. Уже несколько минут он прислушивался к разговору своих стражей. Безо всякого живого, корыстного интереса, а просто так, помимо воли и желания. Когда пожилой солдат рассказывал о турках-янычарах — у него мелькнула мысль, что и он мог бы участвовать в этой войне и даже наверняка бы участвовал, если бы не украл чужую лошадь и не скрылся во время станичных сборов. А этот самый Суворов теперь командовал бы им. И турки, с их кривыми ножами, уж едва ли перерезали бы ему горло! Глядишь, и дослужился бы до чина урядника либо

хорунжего. И не сидел бы сейчас в этой проклятой клетке!

Он вспомнил бледные, бескровные лица Перфильева, Зарубина, Падурова, Шигаева, и опять гнев и злорадия переполнили его опустошенную душу. Как они уламывали, искушали, улежали и страшили его! Как клялись в дружбе и преданности! Какие сладкие слова говорили! И как потом подло и вероломно предали!

Узник старался не думать о том, что его ждёт впереди, прекрасно понимая, что пощады ему не будет. Сейчас его отправят в столицу, осудят и казнят. А казнь будет такой, какую потребует она, то есть царица. За время своего самозванства Емельян привык не только говорить, но, при случае, и думать о правящей государыне как о своей законной жене, называя её *она*, *немка*, а в минуты пьяных застолий ругать царицу стервой, потаскухой и прочими непотребными словами, к вящему удовольствию корыстных сообщников, старательно подыгрывавших ему.

Эта вынужденная, бесконечная игра частенько заставляла и его, и окружающих, совершать необъяснимые, ошеломляющие поступки, словно под влиянием чьей-то злой, неуступчивой воли. Ему вдруг пришли на ум сцены жестоких и бессмысленных казней, когда он безо всякого суда, одним мановением руки приказывал вешать и расстреливать людей.

Почему-то вспомнился майор Харлов — в разодранной одежде, истекающий кровью — вместо левого глаза у него зияла чёрная, ужасающая дыра, а сам глаз висел на щеке. Он один тогда оборонялся против всего пугачёвского войска, штурмом бравшего крохотную крепость Нижне-Озёрную. С запалённым фитилём майор бежал от пушки к пушке и стрелял по осаждавшим. А весь гарнизон предал своего коменданта. Нападавшие жестоко изранили единственного защитника, стреляя в него из ружей и бросая копья. И одержав эту сомнительную, смехотворную победу, бунтовщики наскоро соорудили виселицу. Пугачёв приказал собраться всем, принимавшим участие в схватке. Это была одна из первых его удач, и он очень гордился тем, что противники сдаются ему почти без сопротивления. Из дома коменданта самозванцу принесли высокий стул с резной спинкой. Он чинно уселся на него и приказал привести «пред свои светлые очи» отважного начальника крепости. Израненный майор, с залитым кровью лицом и болтавшимся на щеке студенистым комком выбитого глаза, кусал от боли губы, чудом держась на ногах. Казаки из свиты самозванца цепко держали его за локти.

— Как смел ты поднять руку на своего государя? — громко, но не очень твёрдо воскликнул Пугачев, ещё не успев как следует войти в роль. Харлов огромным усилием остановил на нём единственный, обезумевший от боли глаз и разжал губы, на которых пузырилась кровавая пена:

— Ты вор и самозванец... — в толпе испуганно охнули и многие суеверно перекрестились. — Будь проклят... — прохрипел майор, желая как можно скорее избавиться от страшных, нестерпимых мучений.

Самозванец ужаснулся — весь облик израненного коменданта был настолько чудовищен, грозен и пугающ, что казалось, будто это и не человек вовсе, а кошмарный выходец с того света, непонятно, каким образом воскресший.

— На виселицу его! — махнул он дрогнувшей рукой, хотя минуту назад колебался — не оставить ли калеку в живых? Впрочем, это только продлило бы его мучения.

А ведь показательная жестокость тоже, поначалу, не входила в планы самозванца. Окажись майор Харлов и другие офицеры уступчивей и послушней — многие бы избежали виселицы. Но мог ли он прощать строптивцев, которые в присутствии толп народа называли его «вором», «самозванцем», «негодяем», «преступником»? Что бы подумали о нём люди? Значит, он и вправду самозванец — раз терпит такое!

А потом, празднуя свою лёгкую и убедительную победу, Емельян жестоко напился и в хмельном угаре твердил:

— Ну, почто он так-то? Я ж не хотел его казнить. Как Бог свят! — и он пытался перекреститься непослушной рукой.

— Не тужи, Емеля! — куражливо утешал предводителя Зарубин. — Дюже ловко ты этого знатного майора срезал. — Как смел ты, мол, супротив государя пойтить! Молодец! Куды как грозен!

И вся дружная шайка заговорщиков весело захохотала. Им доставляло особое удовольствие обходиться запанибрата со своим главарём. Наружно, при народе, они ломали перед ним шапки, а наедине не ставили его и в грош.

— У майора, поди-тка, поджилки затрусилась! Страх! — подмигнув собутыльникам, озорно осклабился Пьянов. Пугачёву вдруг сделалось обидно:

— Вы над кем галитесь, босота?! Глядите! Я вас, как того майора!..

— Ты?! — вызывающе сощурил жёлтые глаза Мясников. — Закрой хайло, покуда мы те холку не намяли! Царь-государь нашёлся, едри твою в дышло!

Самозванец запустил в него ковшом, и пошла потеха. Разбросав столы и табуреты,

побив и вдрызг переломав посуду, собутыльники скрутили своего предводителя, связав ему руки полотенцем, и положили на печь. А сами сели допивать остатки.

— Ишь, как Емеля-то расходился! — утирая разбитый нос, беззлобно ворчал Пьянов. Зарубин усмехнулся в щетинистые усы:

— Ничё! Коли так — стреножим живо! Дюже быстро в цари попёр, побродяжка! Мы таких царей — за бороду да в омут!

Сообщники согласно загудели. А наутро Пугачёв с опухшим лицом и подбитым глазом принимал депутацию от местных крестьян, пришедших с челобитной. Едва самозванец вышел на крыльцо — мужики упали ничком, пачкая в грязи лица и одежду.

— Вставайте, детушки! — приказал Пугачёв осипшим, пропитым голосом и протянул правую руку.

Крестьяне поднялись и по одиночке стали подходить к крыльцу, чтобы поцеловать преступную руку самозванца. Они испуганно и униженно косились на плечистого, чёрнобородого мужчину в высокой шапке и казачьем кафтане, с помятым лицом и подбитым глазом, от которого за версту разило сивухой. Приложившись к жилистой, немойтой руке, мужики кланялись в пояс и бормотали:

— Защити нас, царь-батюшка...

Пугачёв, войдя во вкус, вещал напыщенно и снисходительно:

— Не кручиньтесь, ребяташки. В одночасье вас всех рассужу. Дошли до меня ваши печали да жалобы...

Мясников осторожно толкал в бок Зарубина — смотри, мол, каков гусь! Ну, чем тебе не царь-государь? Чика (Зарубина дразнили Чикой) только хмуρο поводил бровями и тихо покашливал.

— Граф Чернышов! — вдруг повернулся к нему самозванец. — Забери-ка у мужиков просьбишки — я опосля почитаю. А таперя недосуг — дале воевать надобно. Пока всех супротивников, которые мне — государю Петру Фёдоровичу — присягать не хотят, не разобьём в прах! Спаси вас Господь, детушки! — и Пугачёв широким троекратным знамением, перекрестил толпу.

Граф Чернышов (Чика) нехотя собрал у мужиков челобитные и поплёлся в избу вслед за предводителем. После нескольких, на диво лёгких побед он уже раскаивался, что в своё время отказался стать царём. А теперь вот — хочешь не хочешь — приходится ломать шапку перед бывшим бродягой! «Опосля почитаю!» — зло повторил про себя Чика, прекрасно помня, что Пугачёв неграмотен.

Солдаты, сторожившие самозванца, проведя четверть часа в нерушимой, гробовой тишине, заговорили негромкими, сдержанными голосами:

— А теперь куды?

— Кто его знает.

— В Питембурх, конечно.

— А може, в Москву?

— Може, и в Москву.

Они опять помолчали, потом пожилой солдат добавил уверенно:

— Куды енерал прикажет.

Но с ним не согласились:

— Дак ему тоже приказали.

— Кто?

— Знамо дело — кто! Царица.

Тут Пугачёв, который уже несколько минут прислушивался к таинственному разговору своих охранников, догадался, что речь шла о нём. И о ней. Его якобы законной жене, вероломно устранившей когда-то своего единственного венценосного супруга. Самозванец вновь окунулся думами в прошлое.

16

До своего невероятного, стремительного возвышения Емельян никогда, даже мимоходом, не задавал себе вопроса — кто и почему правит этой огромной страной, в которой он живёт? В среде казачества, волей судьбы и обстоятельств селившегося по окраинам России, к верховной власти было особое, двоякое отношение. Во-первых — они не считали себя вполне русскими людьми (и действительно не являлись таковыми, перемешавшись с местным, туземным населением), а верховная власть вынужденно заигрывала с ними, желая иметь надёжных стражей своих границ.

Когда Емельян появился на свет в своей родной станице Зимовейской, Россией правила императрица Анна Иоанновна, точнее — правил её бывший кучер и бессменный любовник — ловкий герцог Бирон. Маленький казачонок, естественно, всего не ведал. Это не интересовало его ни в малейшей степени. А потом на престол взошла Елизавета — Петрова дочь. Емельяна сие тоже нимало не тронуло. Но тут ему пришёл срок явиться на станичный сбор и отправиться на войну с Пруссией.

Война растянулась на семь лет, и вот молодой казак, к удивлению, узнал, что он — подданный России, а кроме неё ещё существует некая Пруссия, которой правит король Фридрих. Россией же правит баба — царица Елизавета. Емельяна это не разочаровало и не обрадовало. Он ходил в атаки, участвовал в вылазках и налётах на прусскую пехоту и конницу. Особо удачливым и смелым рубакой Пугачёв не слыл, но и труса не праздновал тоже. Он был таким же, как и большинство казаков, призванных тогда на службу и посланных в чужие, неведомые земли.

Его поразила чистота и опрятность прусских городков и деревень и то, что обитатели говорят на совершенно незнакомом и непонятном ему языке, а петухи кукарекают по-русски. В боях он был несколько раз ранен, но не слишком тяжело, и выучил два десятка немецких слов, которыми щеголял по возвращении в родимую станицу.

В той войне Россия, как известно, победила, и русские войска даже взяли Берлин. Только победа оказалась какой-то суматошной, невнятной и, похоже, малоубедительной. Возможно, потому о ней быстро и прочно забыли. А в одночасье скончавшаяся матушка Елизавета и следом взошедший на престол голштинский принц Петер, ставший российским императором Петром III, окончательно смазали итог семилетней кампании.

Новоиспечённый русский государь — ярый поклонник прусского монарха — тут же униженно извинился за нанесённые тому поражения и незамедлительно вернул все занятые земли. Они были возвращены старому владельцу, а победители, несолоно хлебавши, вернулись в родимые пределы. В их числе и донской казак Емельян Пугачёв, ни сном, ни духом не ведавший, что десять лет спустя он будет именовать себя тем самым голштинским принцем, не давшим ему вкусить сладких плодов победы.

Однако казаки, впрочем, как и солдаты, не слишком горевали по поводу неудачно завершившейся войны — она всем изрядно надоела. А вот офицерам и генералам, для которых это был «театр военных действий», где они играли эффектные и значительные роли и в качестве аплодисментов получали чины, награды и ордена — подобный финал казался гораздо унижительней оглушительного свиста и плевков. И новоявленный российский император, совершивший рыцарский, но рискованный и опрометчивый поступок, не успел даже прочно занять престол, как его смели оттуда мстительные, хваткие руки.

До станицы Зимовейской, куда вернулся наш герой, слухи об этом дошли с некоторым опозданием и, как всегда, в искажённом, малопонятном виде. Скоропостижно-де скончалась матушка Елизавета, и на престол взошел то ли сын её, то ли племянник — Петр Фёдорович — и его тут же свергли какие-то злоумышленники. Царь, вероятно, удушен либо застрелен. А может, и скрылся, от греха подальше. Вместо него теперь царствует его жена — немка Екатерина. Вся эта тёмная, запутанная история странным образом будоражила людей, и казачество в том числе. Тем паче, что царица — немка. А то, что свергнутый монарх был тоже немец — никого не интересовало.

Но первые пять лет правления царицы-немки прошли в мире и покое. Она возводила города, устраивала великолепные приёмы, военные манёвры, парады, в которых участвовала сама, нарядившись в щеголеватый конногвардейский мундир. Череда пиров, балов, маскарадов, единожды начавшись, казалось, не закончится никогда.

В северной столице России — Петербурге и его окрестностях — строились пышные дворцы со всевозможными затеями — множеством голых мраморных фигур, каскадом фонтанов, щедро извергавшихся под диковинную, невидимую музыку. Знать неустанно веселилась. Народ, вначале настороженно внимавший всей этой шумной вакханалии, понемногу успокоился. Он уже был рад тому, что его не слишком сильно тревожат. Но вскоре разразилась война с Польшей, а потом и с Турцией. Впрочем, военные действия в Польше носили довольно узкий и кратковременный характер и не требовали большого количества солдат, а вот Турция...

Емельян, к тому времени уже успевший жениться на казачке Софье Недюжиной и нарожать пятерых детей, заметно отвык от военной службы. К слову сказать — и семейная жизнь на собственном хуторе была не слишком ему по нраву. К своим сорока годам он всё ещё никак не мог остепениться, представляя собой тот вечный тип непоседливого мужика — гуляки и буяна — норовящего сыграть роль выше той, которая ему в жизни предназначена. Он бражничал, ругался, гонял жену и детей, продавал и относил в заклад вещи, подворовывал.

Когда началась турецкая кампания, Емельян украл лошадь и явился с ней на станичный сбор. Хоть и не шибко ему хотелось подставлять свой лоб под турецкие пули — семейная жизнь казалась ещё невыносимей и горше. Но казацкие старшины, знавшие своего земляка, как облупленного, и помнившие, что он давно пропил и строевого коня и того, на котором пахал хуторскую землю, потянули его к ответу. Пугачёв успел скрыться. Станичное начальство, между тем, дозналось, что дерзкий конокрад подговаривал казаков, нарушив присягу, бежать на Кубань. Тогда на него был объяв-

лен розыск. Емельян скрывался неведомо где до начала зимы, а затем тайком вернулся на собственный хутор, пожил дома с неделю и был благополучно схвачен, но опять бежал. Намаявшись с непутёвым супругом, Софья дала себе слово сдать его властям при очередной явке.

Пугачёв появился перед самым Великим постом. Исхудавший, оборванный, грязный — казалось, будто он уже троекратно пережил этот пост. Жадно, наскоро поев, смутьян без сил повалился на печь. Софья, накинув платок и полушубок, побежала к соседям. Емельяна сняли прямо с лежанки и отправили в город Черкасск, а по дороге он бежал уже в третий раз. Только теперь, от греха подальше, аж на самую польскую границу и оттуда, с подложным паспортом, питаясь подаянием, пробрался на Яик, к тамошним бунтовщикам. Те приняли беглеца весьма охотно.

Там, превратившись, волей случая, в чудом воскресшего императора Петра Фёдоровича, Емельян, к немалому удивлению своих подручных, довольно скоро вжился в роль царя. Стал капризен, деспотичен и властолюбив, почище любого наследного монарха. Ежели в захваченных крепостях оставались нетронутыми храмы, то самочинный владыка приказывал обязательно править церковные службы и при этом непременно поминать государя Петра Фёдоровича и его супругу Екатерину Алексеевну, царицу-немку, которая при частом упоминании, кроме бранных кличек, стала невольной приобретать кое-какие осязаемые черты.

Жизнь царского двора и жизнь простого народа, при бесконечной, невероятно отдалённости друг от друга, оставались, тем не менее, своеобразными общающимися сосудами. Только сообщались они какими-то немислимыми, трудноуловимыми путями. А скорее всего — напоминали два зеркала, поставленные одно перед другим и бесконечно повторявшие чужие отражения, с той лишь разницей, что поверхности у обоих были сильно искривлены. Молва о неуёмном сластолюбии матушки Екатерины мгновенно проникла в буйные головы её подданных, порождая там небывалые, ошеломляющие фантазии. И потому Емельян, на правах законного, обесчещенного супруга имел все основания называть её «стервой», «потаскухой», «прорвой» и прочими неблагозвучными кличками.

После лёгкого и бескровного штурма крепости Нижне-Озерной, в которой самозванец повесил её единственного защитника — майора Харлова, пугачёвское войско направилось к крепости Татищевой. Здесь их встретило довольно сильное и организованное сопротивление, во главе которого стоял тесть храброго майора — полковник Елагин. Полдня бунтовщики безуспешно обстреливали крепость, а им отвечали сильным прицельным огнём. Пугачёв сам подъезжал к пушкам и направлял их на осаждённых, но те держались упорно и стойко. Бунтовщикам помог случай — загорелись скирды сена, находившиеся вблизи деревянных стен крепости. Огонь перекинулся на стены, а затем и внутрь. С противоположной стороны, с воплями и проклятиями в город ворвались пугачёвцы, поскольку все защитники старательно тушили пожар.

Победители, привыкшие к лёгким и молниеносным успехам, вконец остервенились и озверели. Офицеры, их жены и многие отважные защитники крепости были тут же задушены, зарезаны и обезглавлены. С полковника Елагина, человека осанистого и полного, негодяи живьём сняли кожу. Самозванец посильно участвовал во всех этих мерзостях, но на правах царственной особы, то есть — только приказывая и распорядясь. Когда безудержный гнев и жажда мести несколько поутихли, Пугачёв, в сопровождении Зарубина, прошёл к дому полковника, который ещё не успели разграбить осаждавшие. В просторной, чистой гостиной, в простенке между двумя высокими окнами, висел портрет темноволосой женщины с тяжёлым венцом на голове и в пышной горностаевой мантии.

— Хорош патрет! — осклабился граф Чернышов (Чика). — Узнаёшь?

Пугачёв, смутно догадывавшийся, чьё изображение он видит перед собой, нехотя кивнул головой. Дородная женщина на портрете явно потрясла его. Доморощенный живописец, старательно выписавший правящую императрицу, видимо, отлично знал вкусы людей низкого происхождения, и потому особенно тщательно изобразил сверкающий алмазами венец и чёрные хвостики дорогой горностаевой мантии.

— Ишь, стерва! Красуется... — ухмылялся Чика, хотя лицо «законной» супруги самозванца было плоским и маловыразительным.

Скорее всего, художник скопировал его со столь же неудачного образца, дополнив собственным робким и скудным воображением. Однако Емельян не находил слов. С его точки зрения — это было невероятно пышно, внушительно и торжественно. Здесь он крепко усомнился в успехе принятой на себя роли. Где ему — простому, сиволанному мужику — тягаться с этой царственной женщиной! Одна алмазная корона на голове чего стоит!

— Погодь! Мы тебе покажем! Подпортим маленько личико-то, — мстительно про бурчал Зарубин, потянув из-за пояса кинжал.

— Не трожь! — властно крикнул самозванец, цепко ухватив его за руку. Ему неожиданно показалось, что сообщник вероломно покушается на его личную собственность. Чика не посмел перечить.

17

После шумного и кровопролитного штурма крепости Татищевой, подобных сражений были десятки. В большинстве из них бунтовщики одерживали верх благодаря робости, неумелости высших офицеров и почти поголовной измене среди казаков. Самозванец воевал, распутствовал и бражничал. В Татищевой ему попалась на глаза дочь истерзанного полковника Елагина, она же вдова погибшего в страшных муках майора Харлова. Самочинный государь, расчувствовавшись, помиловал несчастную дочь и жену, но не потому, что сжалился над судьбою молодой женщины — его поразила её красота.

Бедная вдова представляла собой тот тип русской женщины, перед которой, как правило, не мог устоять ни один мужчина. Статная, белотелая, с высокой лебяжьей грудью, крутыми, неохватными бедрами, толстой — в руку — косой и большими серыми глазами чуть навывкат. Словом, увидел её самозванец — и моментально растаял. Как всякий, неумеренно пьющий человек, он становился совершенно безвольным в присутствии красивой женщины. Его сообщники, по достоинству оценившие выбор своего предводителя, поначалу снисходительно усмехались, судача между собой:

- Гладку бабу наш Емеля-то отхватил!
- Титьки, что у твоей козы!
- И задница справней, чем у кобылы.
- А гляделки — с мой кулак.
- Эхма! Сладка баба — малина прямо!

Нельзя сказать, что самозванный государь совершенно не испытывал никаких угрызений совести при виде красавицы-вдовы. Временами, лёжа с ней в походной кибитке, Емелян сокрушенно вздыхал.

- Ты чего? — блестя в полутьме большими прозрачными глазами, шептала вдова.

С самых первых минут вынужденной близости с этим несчастным и страшным человеком она стала называть его на «ты». Емелян, признав не только красоту свой пленницы, но и благородное её происхождение, не стал попусту чиниться и корчить из себя царственную особу, понимая, что в глазах обездоленной женщины это выглядит кощунственным и смешным.

- Мужики дюже злобятся, — отвечал он уклончиво. Пленница шевельнулась:
- На меня?
- Ага. Говорят — присушила ты меня! — Пугачёв недобро усмехнулся.

Вдова, чуть отстранив от него горячий мягкий бок, сунула под голову белую гладкую руку и задумалась. Конечно, она не испытывала к своему мучителю никаких тёплых, искренних чувств, кроме безмерного страха и полнейшего бессилия, думая близостью с ним хоть немного размягчить его больную, исковерканную душу. Однако плоды всего этого были чересчур малы и ничтожны: самозванец только лишь позволил похоронить тела её отца и матери, а также убитого, по его приказу, мужа. И спас от гибели её семилетнего братишку, за которого она смертельно боялась.

- Так присушила аль нет? — с издёвкой спросил самозванец.

Вдова с испугом посмотрела на него — капризный, неустойчивый характер беглого казака бесконечно пугал молодую женщину. Она по опыту знала, как он жесток, мелочен и беспощаден в минуты обиды и гнева.

— Чем же я тебя присушила? — навалясь на него высокой грудью, натужно улыбнулась несчастная.

Емелян удовлетворенно засопел — робкие ласки вдовы напрочь его обезоруживали. А безутешная пленница, в душе презирая себя за малодушие, молча отдавалась грубому, деспотичному негодяю, с содроганием чувствуя, что в сердце её нет к нему отвращения и ненависти. Лишь только один кошмарный, безграничный страх.

Но как бы там ни было, а близость с обездоленной вдовой слегка облагородила самозванца. Он стал не только временами умываться и, при случае, ходить в баню, но иногда прощать своих вчерашних противников. При взятии крепости Пречистинской Пугачёв принял в свое войско всех солдат и помиловал всех офицеров.

Его ближайшие сподвижники — Зарубин, Овчинников, Шигаев, Лысов, Чумаков — вскоре с тревогой сообразили, что прирученный ими предводитель начинает выходить из повиновения.

— Дюже большую власть, Емеля, над тобой энта баба взяла, — во время очередной пирушки сказал Пугачёву напрямик Чумаков. Емелян не сразу нашёлся с ответом.

— Надо было её вместе с родителем кончать! — жёстко прибавил Лысов. Чумаков мстительно усмехнулся:

— А всё он — царь-государь! Растуды его в печёнки... Увидал бабу и раскис. Как мякиш хлебный в водке, тьфу!

— Ты погоди слюни-то пускать! — собрался, наконец, с духом Пугачёв. — Ишь, раскипятился!

Один из самых давних сотоварищей самозванца — Чика (граф Чернышев) — сказал с затаённой угрозой:

— Гляди, Емеля, кабы не стряслось чего!

Тот быстро обернулся к нему:

— А чего? С ей али со мной?

Зарубин равнодушно пожал плечами:

— С обоимя. Все под Богом ходим.

За столом повисло тяжёлое, гнетущее молчание. У поникшего самозванца под небольшой клиновидной бородою затрясся острый, чёрный кадык.

— Ваша взяла, душегубы... — дрогнувшим голосом произнёс он. — Лейте кровушку безвинную.

— Но-но! — погрозил ему Чумаков, — Ты не шибко-то! Неча тут ангела-хранителя из себя представлять! Ты убивец не хуже нас!

На следующее утро вдову отважного майора и её малолетнего брата вывели на расстрел. Самозванец, мертвецки упившийся накануне, валялся на лавке возле неприбранного стола и, услышав сквозь сон хлёткие, беспорядочные выстрелы и душераздирающие вопли, попытался поднять тяжёлую голову.

— А-а-а? Кто тама? Измена? — забормотал он непослушным, иссушённым языком. — Тимоха, Ванька, де вы?

— Спи, батюшка! Спи, милостивец! — ласково урезонила его пожилая баба-стряпуха, готовившая закуску самозванцу и его свите. — Это полковничью дочь с мальчонкой за измену казнят. Упокой их души, мать Пресвятая Богородица! — прибавила она едва слышно.

В странных, полуслепых глазах мужицкого царя мелькнул дикий испуг и будто бы осознание чего-то непереносимого и страшного. Он сделал попытку встать, но какая-то неодолимая, сверхъестественная сила точно размазала злодея по скамье. Ни рука, ни нога его даже не шевельнулись. А через секунду откинулась назад спутанная голова, из отверстого рта с хрипом вырвались и за клубились хмельные пары.

— Ох, свят-свят! — отгоняя от лица удушающие запахи, бормотала стряпуха. — Что царь, что мужик — всё зелье без памяти хлещут...

Через полчаса в избу ввалились граф Чернышов (Чика), граф Орлов (Чумаков), граф Воронцов (Шигаев), граф Панин (Овчинников).

— Бабка! Вина! — закричал от порога граф Чернышов. Остальные графы молча уселись вокруг стола, не снимая шапок. Они почему-то избегали смотреть друг другу в глаза.

— Ишь, сопит! Ровно младенец! — подмигнув на самозванца, ухмыльнулся граф Панин.

— Ему-то чё? Его дело телячье! — пренебрежительно махнул рукою граф Орлов. Стряпуха, крихтя, поставила на стол бутылку самогона.

Перед мысленным взором каждого ещё стояла картина недавнего расстрела и та молодая, красивая женщина, в смерти которой были повинны они все.

— Наливай! — скомандовал граф Чернышов графу Орлову.

Тот накренил пузатую, внушительную четверть, а собутельники сразу подсунулись с чарками — всякий торопился заглушить что-то беспокойное и тревожное внутри себя. Будто все они пришли сюда, обожжённые крепким, пронизывающим холодом и теперь спешили согреться. У графа Орлова дрожали руки, разливая самогон по стопкам, он щедро плескал его через край, но никто из графов не проронил ни звука. Первую чарку выпили в напряжённом, траурном молчании, сиюсь не встречаться взглядами. Баба-стряпуха, подававшая на стол, сокрушённо вздыхала и тайком крестилась. Граф Чернышов, мельком окинув собутельников, разлил по второй. Выпили так же угрюмо и молча.

— А грузди- то ничего, ажно на зубах хрустят, — негромко, как бы между прочим, сказал граф Панин.

— Ты, Ванька, свою пистолю выкинь! — покосившись на графа Чернышова, недовольно пробурчал граф Орлов. — Палишь в белый свет, как в копейку.

Граф Панин недобро усмехнулся и добавил:

— А може, он нароком?

— Энто как? — не выдержал Чика. Граф Панин пояснил, исподлобья глянув на него:

— Грех на душу не хотел брать... Али баба, часом, приворожила? Вон как его, — он кивнул на спящего самозванца.

Чика не нашёл с ответом, хотя понимал, что молчание едва ли пойдет ему на пользу. Но собутыльники были слишком возбуждены случившимся и не придали этому значения.

— Лей, чего застыл! — прикрикнул граф Воронцов, и граф Орлов в третий раз наполнил стопки. Разбойники согласно, без промедления, выпили и чуть расслабились.

— Мальца-то того, — осторожно начал граф Панин, — може, не стоило?

Сиятельные особы нехотя переглянулись.

— Чего после драки-то кулаками сучить? — резонно возразил граф Воронцов и мельком взглянул на руки, будто опасался обнаружить на них пятна чьей-то крови. Его сосед Орлов-Чумаков, недобро усмехнувшись, бросил с издёвкой:

— Царя-батюшку свою благодаритя! Через его забавы катами-душегубцами сделались.

— Кто ж его знал! — желая оправдаться, осторожно возразил Чернышов-Зарубин, Панин и Воронцов промолчали, но Орлов не согласился:

— Рази энто гусударь? — пытался он вразумить остальных сообщников. — Ни форсу, ни вида стоящего. Бродяга — он бродяга и есть! Как его ни обряди — всё едино. А до баб падок — ровно муха до дерьма! Вот таперя и решайте.

— Чего? — не понял Зарубин. Чумаков сказал наотрез:

— А того! Ради энтого побирушки я, вдругорядь, руки кровью марать не стану! Не дожждётся

— А хто тебя об энтом просил? Я, что ли? — прозвучал в тишине осипший, пропитый голос.

Графы вздрогнули. Самозванец, с трудом оторвав от лавки голову, вперился в них воспалёнными, больными, полубезумными глазами. Палачи тревожно шевельнулись. Баба-стряпуха, от греха подальше, мигом убралась в прихожую, словно испарилась.

— Порешили, значит, тварей безвинных. Распотешили души свои злонные! — в словах Пугачёва звучали яд и горечь. Разбойники избегали встречаться с ним взглядом. Государь с трудом уселся на скамье. — Всё. Край! — он поднял и бессильно уронил правую руку. — Достали вы меня, аж до самого нутра! Что хотите со мной, то и делайте. Хошь режьте, хошь стреляйте, хошь топите, хошь вешайте! Нету сил моих...

Чумаков, только что презрительно ругавший самозванного царя, возразил осторожно:

— Ты погодь, Емеля... Охолони. Похмелись лучше.

Пугачёв откинулся к стене, вытянув руки и ноги, напоминая собой мумию, кое-как пристроенную на скамье. Панин-Овчинников проворно плеснул в чарку самогона и подскочил к самозванцу.

— Выпей, Емеля! Легче станет.

— Выпей-выпей! — дружно подхватили графы.

Пугачёв посидел с минуту без движения, никак не отзываясь на просьбы сообщников. Те заметно всполошились — неожиданное и окончательное самоотречение сотворённого ими самодержца вовсе не устраивало лиходеев. Каждый в страхе подумал, что будет, если в народе узнают о его исчезновении? Это станет началом их конца.

— Пей, ирод! — не выдержав, гаркнул Чика. Веки у Пугачёва дрогнули, он медленно открыл свои странные глаза, словно вернулся с того света. Чика смягчился. — Небось, полегчает, — добавил он искательно.

Самозванец нетвёрдой рукой принял чарку и, окропля самогоном бороду и грудь, сделал несколько судорожных глотков. Худая жилистая рука его тряслась, прыгал острый, чёрный кадык. За эти несколько мгновений он будто бы усох и постарел. Сообщники не спускали с него глаз. Бледное, бескровное лицо Пугачёва вдруг болезненно искривилось, собравшись в сырой, морщинистый комок. Он глухо, без слов зарыдал.

— Поплачь, поплачь, Емеля, — невнятно забормотал Овчинников. — Може, так оно лучше...

И Чика подхватил ему вослед:

— Ты шибко-то не горюй! Бабу мы тебе ищо краше найдем. Мало их, што ли?

Но самозванец не слышал этих неуклюжих слов утешения. И напрасно душегубы старались убажить его и отвлечь, полагая, что льёт он слёзы по злодейски убитой кравице-вдове. Нет, ему было её искренне жаль, но больше всего жаль самого себя. А плакал и рыдал он от жуткой, невероятной безысходности всего случившегося, проклиная свою бесталанную, кошмарную, изувеченную судьбу.

Бодрый, уверенный Суворов решительно вошёл в арестантскую избу, махнув рукою на замерших солдат:

— Вольно, ребята! — и тут же бросил пристальный взгляд на преступника. Пугачев

апатично лежал на полу клетки, почти не обращая внимания на окружающих, даже не реагируя на свирепые укусы блох, беспрепятственно скакавших по нему.

- Как он? — обернулся Суворов к капралу. Тот вытянулся по стойке смирно:
- Не вставал, ваше превосходительство.

Генерал хотел задать ещё один вопрос, но мельком окинул избу и, заметив в ней относительный порядок, передумал.

- Можешь садиться, братец, — кивнул он капралу.

Узник резко пошевелился, гремя цепями. Все находившиеся в избе непроизвольно вздрогнули, не исключая знаменитого полководца, который через минуту снисходительно улыбнулся капитану Маврину:

- У страха-то и вправду глаза велики! Грешно и подумать-то...

Пугачёв, перевернувшись на спину, искоса посмотрел на генерала, чуть подрагивая припухлыми веками. Александр Васильевич почувствовал этот взгляд, в свою очередь, тоже вопросительно уставившись на него. Все разом затаили дыхание, понимая, что это не просто бессловесная дуэль.

Ясные, неустрашимые глаза полководца напрямик встретились с затаённым, уклончивым взглядом самозванца. Тот словно бы старался уловить и понять нечто такое, что сделало этого маленького, худого, невзрачного человека таким великим и непобедимым. Искал и не находил. Капитан Маврин, стоявший за спиной генерала, случайно перехватил и разгадал этот напряжённый, взыскующий взгляд и в смущении отвернулся. Александра же Васильевича это, вероятно, нимало не тронуло, поскольку он тут же воскликнул твёрдо:

- После ужина всем непременно отдыхать! Но спать вполглаза, ясно?
- Точно так, вашество! — рявкнул капрал. Суворов повернулся к Маврину:
- А нам, господин капитан, следовало бы проверить посты.
- Я готов, — тот опустил руки по швам, но генерал ласково тронул его за плечо:
- Пойдемте, голубчик, вместе.

Они оба вышли на крыльцо. Двор наполовину опустел, только у небольшого костерка суежилась группа солдат, вероятно, готовя себе ужин. Над тихим, захоластным городишкой стоял погожий сентябрьский вечер, какие случаются в короткий период равноденствия, когда ночь и день полюбовно делят между собою сутки и когда в природе устанавливается мгновенное, зыбкое, но заметно ощутимое спокойствие. Мимолетная, складная, согласная гармония, которую улавливает каждое живое существо. Мягко, неброско розовел дальний небосклон, сизые струйки дыма торчком поднимались от соломенных крыш, будто мирно застывая в густеющем воздухе. Лениво мычали коровы. Гулко щёлкал бич пастуха.

— Будь моя воля, — негромко, словно боясь нарушить этот мир и покой, произнёс Суворов, — я бы его простил, — Маврин удивлённо сверкнул глазами, но промолчал. — И государыня, сдаётся мне, тоже могла бы простить...

(Александр Васильевич оказался весьма близок к истине. Екатерина некоторое время колебалась, желая помиловать злодея. Однако её ближайшее окружение — графы Чернышов, Панин, Воронцов — этому активно воспротивились. И вновь Пугачёва сгубили его именитые враги).

Капитан опять не нашёлся с ответом. А прославленный военачальник продолжал с лёгкой усмешкой:

— Вы знаете, голубчик, когда воюешь где-то за тридевять земель, то чувствуешь себя и смельчаком, и патриотом, и русским, вот как Бог свят! — он вздохнул и перекрестился. Маврин не отводил от него взгляда — в густеющих сумерках худое лицо генерала теряло свой привычный, обострённый контур, становилось мягче и круглее. — А вернёшься в родимые пределы и ничегошеньки не понимаешь! Вот такая чертовщина, не к ночи будь помянута... — собеседники согласно помолчали. Александр Васильевич передёрнул узкими прямыми плечами, словно в ознобе: — Пожалуй, одного только хочется непременно — скорее бы улеглась эта смута. Можно воевать с турками, можно с немцами, но не со своим братом-россиянином, помилуй Бог! Страшнее беды не бывает...

Теперь капитан различал только светлые, ярко блестящие глаза генерала и едва пересилил себя, чтобы не спуститься хотя бы на ступеньку ниже. Ему было неловко смотреть на него свысока.

А крохотный, присмиривший городишко уже готовился ко сну, и в далёком, бескрайнем небе над ним робко проклюнулись первые, едва мерцающие звёзды.